

Григорий Шаргородский

ДОБРОБОР
ЗАПОВЕДНАЯ УКАДЬБА

Добробор

Григорий Шаргородский
Добробор. Заповедная усадьба

«Автор»

2026

Шаргородский Г. К.

Добробор. Заповедная усадьба / Г. К. Шаргородский — «Автор», 2026 — (Добробор)

Многим людям приходится тащить на себе, как им кажется, непосильную ношу. Вот и мне затейница-судьба взвалила на плечи ответственность за жизнь и воспитание нескольких юных магов. Это, конечно, не крест, но ноша нелегка и неудобна. А тут еще и «добрые люди» постоянно пытаются избавить меня от груза ответственности, заставляя всеми силами защищать то, чего не просил. Так что скучать некогда: приходится ходить на «стрелки» с бандитами, торговаться с лешим да кикиморой и превращать наше скромное жилище в заповедную, сокрытую от жадных глаз усадьбу. При этом я прекрасно понимаю, что отсидеться в глуши не получится, потому что учебников по прикладной магии для начинающих пока не выпускают. Так что нужно выползать во внешний мир в поисках информации, которую в Интернете не найти. К примеру, нанимать ведьму в качестве репетитора, или по наводке кота Баюна искать мифическую иглу, чтобы возродить обладающего уникальными знаниями колдуна, известного в мире под именем Кощей.

Содержание

Пролог	5
Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2.1	17
Глава 2.2	20
Глава 3	29
Глава 4	37
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Григорий Шаргородский

Добробор. Заповедная усадьба

Пролог

Лев Ионович Кац сидел за своим секретером красного дерева, работы известного мастера еще царских времен, и угрюмо осматривал выложенные на черном бархате монеты. Думал он совсем не о гешефте. Монеты, конечно, ценные, но не настолько, чтобы удивить старого антиквара и тем более порадовать. Думал он о проблемном клиенте, который принес эти монеты. Точнее, клиент был скорее непонятным, а это куда хуже. С проблемными людьми старик разбирался легко, благодаря жизненному опыту, связям и умениям переговорщика. На крайний случай, для совсем уж тупых и отмороженных, имелся сердито сопевший у двери Моше. Этот шепутной «малыш», непонятно в кого уродившийся таким здоровяком, едва закончив школу, умотал на Землю обетованную. Там вступил в ЦАХАЛ, его даже взяли в Дувдеван. Как истинный сын своего народа, Лев Ионович считал, что расширять кругозор – это хорошо, но без знания того, как называются специальные войска Армии Израиля, он был с радостью обошелся.

Что бы ни думал тогда непоседливый Моше, но, вопреки стенаниям белорусских евреев, в Земле обетованной медом если и намазано, то только в отдельных местах и далеко не для всех. Ничего удивительного, что Моше меда того так и не понюхал, но успел наступить не на ту мозоль, поэтому пришлось не только уходить из армии, но и возвращаться туда, где родился. Зато теперь почти все выходящие за рамки разумного вопросы решались быстро и эффективно. В том-то и дело, что почти. Моше потому и сопит, что дядя запретил трогать странного клиента и даже рычать на него слишком громко. Чуйка старого антиквара хоть и не вопила, но настойчиво нашептывала, что этого Алексея Степановича лучше не обижать.

Антиквар, по-старчески пожевав губами, вздохнул и начал убирать монеты в один из десятков ящичков секретера. И где она была, эта чуйка, когда жадность толкнула опытного дельца на маленькую аферу! Ну а что? Явился тут лопух лопухом и принес редкий драконий безант, ценность которого до конца не понятна и самому Льву Ионовичу. Просто одна знакомая настойчиво просила прикупить для нее такие монеты по случаю. Вот уж с кем не хотелось ссориться, так это с ней. И может, не пошел бы антиквар на не совсем честную сделку и рассчитался со странным гостем честь по чести, если бы ведьма рассчитывалась с ним деньгами... Но она платила особым зельем, которое не только поправляло здоровье, но и на время возвращало молодость в определенных аспектах. А это дорогого стоит. Губы старика дрогнули, обозначив улыбку, от воспоминаний о ночи с одной пусть и оступившейся, но страстной и умелой прелестницей.

И так как приходилось платить за монеты из своего кармана, антиквар чуточку пожадничал. Все бы ничего, но через некоторое время чуточку обманутый продавец безанта вернул. Мало того – он сильно изменился. Теперь это был уже далеко не тот лопух, что раньше. Этот шлемазл устроил антиквару самую жуткую ночь в его жизни. Лев Ионович когда-то без особого интереса посмотрел фильм «Полтергейст», но еще меньше ему понравилось самому стать героем подобной истории. За ту ночь у старика поседело все, что пока не было седым. В общем, пришлось договариваться, причем платой за этот проклятый безант стала информация и обещание найти для него ведьму, согласную стать учительницей. Даже страшно представить, кого будет учить такая репетиторша.

Помня о пережитых кошмарах, антиквар согласился, но позвонить единственной знакомой ведьме так и не решился. Думал, удастся потом заявить, что не получилось, но сегодня клиент явился еще раз, принес очередной набор монет, хоть и без драконьего безанта, и напომ-

нил о своей просьбе. Старый антиквар по его глазам понял, что странный человек знает о том, что его обманули. Мужчина даже в интонациях, не то что словах, не позволил себе угрозы, но Лев Ионович понял все правильно. Да и стоявший у двери Моше своим звериным чутьем ощутил невысказанное обещание клиента и начал бы действовать на упреждение, но не осмелился нарушить приказ дяди. Вот теперь и сопит, как недовольный медведь.

– Мне бы твои проблемы, – тихо проворчал себе од нос старик и, еще раз вздохнув, взялся за трубку антикварного телефона.

На звонок не отвечали долго, но когда Кац уже обрадовался, что разговор не состоится, услышал голос, хоть и знакомый, но звучащий непривычно:

– Але.

– Доброго вам здоровьичка и неувядающей красоты, уважаемая Всеслава, – с вежливостью на грани подхалимства произнес антиквар и оторопел от совершенно непонятной реакции.

В трубке закаркал жутковато-хриплый смех. Раньше ведьма всегда говорила мелодичным, можно сказать чарующим голосом, а тут такое!

Отсмеявшись и изрядно потрепав нервы антиквару, его собеседница все же спросила:

– Что тебе нужно, Лев Ионович?

Часть первая

Глава 1

Прохладные воды озера, над которыми все еще стелился утренний туман, смыли остатки сонливости и взбодрили расслабившееся тело. Купаться сейчас не так комфортно, как днем или в начале ночи, но и замерзнуть я не успею, точнее Добрыня не даст. Как только дух-хранитель Добробора почувствует мой дискомфорт, сразу нагреет воду вокруг меня. Поэтому я и устраиваю такие заплывы каждое утро, внаглую пользуясь заботой моего бестелесного друга. Мне так и не удалось наладить с ним нормальное общение, но этого и не требовалось. Мы понимали друг друга, как говорится, без слов. Вот бы еще так же было с другим моим бестелесным товарищем, которого буквально не заткнешь. Колыван в последнее время что-то совсем уж раскапризничался.

Вода все же была далекой от пресловутого состояния парного молока, так что я решил заканчивать с водными процедурами. Выбрался по деревянной лесенке на мостки, чуть вздрогнув от набежавшего свежего утреннего ветерка, но все равно раскинул руки и расслабился. Температура ветра быстро повысилась, и влага на моей коже начала высыхать, а тело нагреваться.

Лепота! Я улыбнулся и ментально отправил Добрыне благодарный посыл. В ответ пришло ощущение радостного удовлетворения.

Ладно, хорошего понемногу. Я тут не на курорте прохлаждаюсь. Пора начинать прием посетителей.

Зайдя в кабинку, быстро сменил белье на сухое и оделся в спортивный костюм. Затем мысленно попросил Добрыню разблокировать доступ к моей персоне домовому. Колыван явно сопротивлялся, но не ему перечить духу-хранителю. Через десяток секунд взъерошенный домовый соткался из обрывков слабой утренней тени, которую отбрасывала пляжная кабинка. Маленький лохмато-бородатый человечек в армяке из мешковины тут же нахохлился как замерзший воробей и принялся играть в молчанку. Не нравится ему являться днем, да еще и под открытым небом, на которое вот-вот взойдет Ярило. Так мне тоже неприятно, когда посреди ночи спать не дают.

– Ну вот чего ты дуешься? – спросил я. – Сам виноват. Весь мозг мне ночью взбаламутил. Я же сразу объяснил, что деньги, полученные за монеты, пойдут на усадьбу. Нижний хутор строится на мои личные сбережения да с помощью Николая Николаевича. Что не так?

– Я поставлен добро хозяйское блюсти. Кажну копеечку!

Не знаю, почему меня эта заявка так разозлила. Хозяин клада и сгоревшего дома давно мертв. И вообще, юридически все здесь теперь принадлежит мне. После спасения внуки директор леспромхоза Николай Николаевич Мицкевич взял над нами шефство и посоветовал обезопасить себя в плане территориальных претензий, выкупив землю. Еще и помог проверить это дело всего за месяц. А тут мне заявляют, что я здесь на птичьих правах.

– Колыван, мы же вроде изначально договорились, что клад пойдет на доброе дело, и ты согласился.

– То хозяйское добро, – с раздражающе-тупым упрямством повторил домовый и довел меня окончательно:

– Теперь я здесь хозяин!

Невольно вылетевшие, сказанные жестким тоном слова царапнули сознание. Не хотел я переводить товарищеские отношения с духами в другую плоскость, поэтому тут же пожалел о скоропалительном заявлении.

Еще не успело эхо моего рыка развеяться меж дубов, как в окружающем мире что-то изменилось. Я так и не понял, что именно, но явно что-то важное, можно сказать сакральное. К счастью, охватившие меня опасения тут же развеял добрый и почему-то довольный посыл Добрыни. А еще ощущение самодовольства, явственно исходящее от Колывана. Кажется, меня развели на что-то нужное скорее им, чем мне. Хотя, чего кокетничать, ощущение уверенности в себе и своих правах было приятным. Ну, и чуточку раздражающим.

– Доволен? – с напускной злостью спросил я у домового.

– Доволен, хозяин, – хоть и не так ехидно, как прежде, но все равно без малейших следов подобострастия сказал Колыван и поклонился.

– Теперь не будешь мозги ковырять по поводу монет?

– Я тут поставлен добро хозяйское блюсти, даже от дурости хозяина.

Хотелось ругнуться, но я лишь печально вздохнул:

– У тебя все, или еще чего хотел?

– Корову хочу. Ты обещал! – потребовал домовый.

– Я тебе козу обещал, – попытался я вернуться к старой шутке о сватовстве, но увидел, что домовый начал дымиться, точнее испускать из себя тени, и решил не перегибать. – Да без разницы, корова или коза. Кто за ней ухаживать будет?

– Я буду, – влезла в разговор незаметно подошедшая Лена. Она была одета в спортивный костюм и готова к утренней зарядке. – Говорят, детям парное молоко очень полезно.

– Говорят, что кур доят, – не очень к месту ответил я народной поговоркой.

– О, куры! – еще больше возбудился Колыван, почувствовав поддержку той, кого уже давно считал хозяйкой поместья.

– Так, – встрепенулся я, понимая, что разговор зашел совсем не туда. – Дорогие мои пейзажи. Смею напомнить, что кроме молока и вкусных яиц, домашняя живность производит много ароматного навоза. Кто будет его убирать?

– Это не женское дело, – тут же отбоярилась насквозь городская Лена.

– Хочу вас разочаровать, сударыня, – продолжил я нравоучения. – Такие неприятные вещи являются не почетной обязанностью мужика, а вынужденной необходимостью. Вам что, молока или яиц не хватает?

– Но ведь парное... – не унималась Лена.

Я заметил идущего к воде Женьку. Сейчас мы привлечем сына к борьбе с наивными хотелками матери.

– Пламен, ты готов разгребать коровье гуано ради кружки парного молока?

– Фу, гадость, – сморщился Женька.

– Гуано? – уточнил я.

– Парное молоко, – заявил парень и, ухватив за руку одетую в детский купальник Алину, крикнул: – Побежали!

Шедшая за ними в спортивном костюмчике Марина, как и Лена, была барышней теплолюбивой и в холодную воду даже под присмотром Добрыни соваться не собиралась. Плюхнувшаяся с визгом в озеро следом за Женькой Алина как целительница простудиться просто не может. Ну а будущему огненному магу замерзнуть точно не грозит.

– Вот видите, – повернулся я к любителям живности, – мужская половина населения Добробора против коровы.

– Нас, девочек, все равно больше, – не унималась Лена.

– Да не вопрос. Мара, – обратился я ко хмуро наблюдавшей за одноклассниками одиннадцатилетней хозяйке духов, – как насчет парного молока?

– Фу, – сморщилась редко улыбающаяся девочка.

Впрочем, сейчас она уже далеко не та колючка, что раньше. Хотя с ней по-прежнему хватает проблем.

– Ну вот, большинство против, – радостно заявил я.

– А я?! – возмутился домовой.

– А ты молоко не пьешь, ни простое, ни парное, сам признался. Так что перебьешься. Хотя, если так уж нужно, то обещанную козу я тебе...

– Не нужно, – буркнул домовый и исчез.

– А что не так с козой? – женской чуйкой уловив интригу, спросила Лена.

– Это не моя тайна, – решил я утаить правду, потому что чувство юмора у моей женщины иногда бывает немного язвительным, а душевная организация у Колывана слишком тонкая.

Впрочем, души у этого ехидного тролля точно нет, будет докучать – сдам Лене с потрохами. Она ему козу-невесту ни в жисть не забудет.

Дети в воде расшалились и выходить не хотели. А что им? Создавать файерболы и огненные шторма Женька еще не мог, но когда злился или, наоборот, радовался, мог за пару минут нагреть несколько тонн воды. Пришлось выгонять ребятню на берег. Ничего, продолжат, когда придет нормальное время для пляжных развлечений. Сейчас они тупо обезьянничают, копируя случайно образовавшуюся, но понравившуюся мне традицию утреннего купания. И вообще с пляжным отдыхом у нас все просто шикарно – еще месяц назад завезли четыре машины песка, построили мостки с платформой для прыжков и соорудили специальные навесы, а под ними установили лежаки.

Дети быстро переоделись в двух кабинках и присоединились к остальным. А затем мы сделали небольшую разминку и побежали по тропинке из бетонных плиток, стилизованных под деревянные плахи. Добробор всего за пару месяцев сильно преобразился. Еще ведется строительство, но уже более аккуратно и общую картину не портит. Получилось эдакое сказочное поселение, и самым неказистым выглядел как раз основной дом.

От идеи социализировать детей совместным проживанием в комнатах хотя бы по двое пришлось пока отказаться. В дальнейшем, возможно, вернусь к этому, но Марина с Алиной уживались плохо. Может, потому что одна имела магический дар жизни, а вторая специализировалась на духах и, как я подозреваю, призраках умерших людей. Да и псевдоним она себе придумала специфический. В общем, голову я себе ломал с неделю, пока не пожаловался Никите, а уже он поговорил с Саней – своим другом детства и главой бригады плотников, собиравших наш сруб.

– А чего тут думать, Алексей Степаныч? – с немного раздолбайской улыбкой спросил Саня. Не знай я, какие у него золотые руки и ответственное отношение к работе, напрягся бы. – Давайте поставим каждому по домику. Панельные с обивкой под сруб. Да еще и с резными накладками. Это же дети!

Какое отношение накладки имеют к возрасту моих подопечных, я понял сильно позже, но в тот момент меня волновал другой вопрос:

– А зимой как все это обогревать?

– Как и собирались, – совершенно не смутился Саня. – Обычный котел вам все равно не поможет. Сделаем мини-котельную и разведем трубы под землей по домикам. Там утепление будь здоров. Теплопотери, конечно, будут, но не такие уж большие.

Пришлось согласиться. Мастера работали быстро – панельки это вам не добротный сруб, и если честно, я уже жалел, что затеял все эти хороводы с бревенчатым домом, но тут уж назад не отыграешь. В итоге от главного дома вправо тянулась эдакая мини-улица из пяти небольших домиков, словно явившихся из сказки про золотого петушка. Деревянные накладки с вырезанными и раскрашенными цветочками да всякими птичками делали домики словно игрушечными, но внутри все серьезно – просторная спальня-кабинет и разделенный санузел. На последнем настояла Лена. И пусть у нее только сын, но она сама та еще девочка.

Влетело мне все это в немалую копеечку. Правда, сосновцы стремились сделать все почти даром, но я настоял на нормальной оплате, потому и полез в кубышку старого хозяина, разбе-

редив жабу Колывана. Жители Сосновки вообще разделились на три лагеря – наших друзей, ярых врагов и маленькую кучку неприсоединившихся. Среди друзей – Николай Николаевич и все, кто работает на постройке усадьбы, точнее уже маленького поселения. Никиту я не считаю, потому что он давно не друг, а член семьи. В общем, с ними отношения были хорошие, а после появления Алины, которая просто не могла пройти мимо хоть немного приболевшего человека, и вовсе поднялись на запредельный уровень. Опекавшая Алину Вера Ильинична нормально относилась к таким делам – болезни на начальных стадиях маленькую целительницу особо на напрягали, а вот с тяжелыми все намного серьезнее. Так что в Нижний поселок Алину, которая по непонятным мне причинам взяла себе псевдоним Жива, педиатр пускала только под личным присмотром.

Честно говоря, заимствование имен из языческого пантеона меня немного напрягало, но спорить не стал, зная, что сделаю только хуже. Тем более даже Колыван не особо возмущался. Оно, конечно, странно, что городских детишек потянуло на славянскую мифологию, но я догадывался, откуда ноги растут. Точнее лапы – четыре и еще хвост. Наверняка Филипп Филиппыч намурчал. Надо будет ему втык сделать или на месяц отлучить от дорогой его сердцу и моему кошельку печени трески.

Пробежка по специально проложенной среди дубов тропинке нагружала мышцы и разгружала голову, поэтому я любил в такие моменты раскладывать все по полочкам. Уже давно пытаюсь понять, во что же я вляпался. Проблема не в том, что слишком мало информации, ее просто завалишь, но чтобы добраться до зерна, хотя бы отдаленно похожего на правду, приходилось серьезно нагружать голову. В итоге вырисовывалась такая картина – одиннадцать лет назад, в две тысячи втором, когда по всему миру гуляла ныне подзабытая теория о Конце света, действительно что-то случилось. Колыван говорил, что Ярило, то бишь звезда по имени Солнце, начал излучать особую энергию. Точнее, он говорил о Дивии-луне. Но есть подозрение, что тут имеет место эффект отражения и, возможно, какого-то преломления. Моим ребятам хорошо на солнышке, а Колывану и прочей нечисти дарит силы луна. В общем, в две тысячи втором году солнце начало вырабатывать что-то вдобавок к привычному набору. И эта энергия как-то повлияла на моих учеников, которые в то время находились еще в утробах своих матерей. Разница в днях рождения у ребят всего-то пара месяцев. Да и в других случаях, о которых узнавала Зинаида Захаровна, возраст проявивших себя юных магов был тот же.

Иметь более или менее стройную теорию по поводу происходящего, без сомнения, хорошо, но ума не приложу, что с этим делать. А пытаюсь приложить и так, и сяк. Увы, чем дальше, тем больше мне кажется, что это вообще, так сказать, не моего ума дело. Нет, я, конечно, продолжу попытки, но уже осознаю, что ребятам придется справляться самим. И они потихоньку справляются. Порой даже кажется, что лучшая помощь с моей стороны – это невмешательство. Нечто подобное я видел, когда ушла на пенсию наша учительница литературы. Ее любимым детищем был школьный театр. Некоторое время Антонина Павловна тащила все это дело, даже будучи на пенсии, но затем Зиза насильно пристегнула к процессу меня. Театр как искусство я не особо понимал, так что воспринял новость без энтузиазма.

Впрочем, все оказалось куда проще, чем я боялся. Театральный коллектив подобрался настолько сплоченный, что лезть в его дела совершенно не пришлось, я лишь приглядывал со стороны, сначала со скукой, а затем со все большим интересом. Инна – девочка, которая хотела стать и впоследствии таки стала актрисой в областном театре, не нуждалась в руководстве, да и остальные юные актеры обсуждали постановку, на секундочку, «Короля лира» с энтузиазмом и вполне грамотно. Вспомнил я об этой компании еще месяц назад, когда наблюдал, как троица моих подопечных обсуждает нюансы своих возможностей. С появлением Алины-Живы дело стронулось с мертвой точки. Она дополнила, как оказалось, работающую методику, которую Филипп Филиппыч с муками выудил из родовой кошачьей памяти. Целительница на голой интуиции направила развитие внутренней энергетики одноклассников в нужную сторону. Ну,

это я надеюсь, что в нужную. Но главным было то, что их общение позволило сделать важное открытие – специализация магов не является окончательной. Это всего лишь предрасположенность.

Никогда не забуду глаза Женьки, когда Алина по его подсказке зажгла огонек над своей ладошкой. Сам Пламен мог устроить огненный мини-ураган, но контролировать пламя на таком тонком уровне пока не способен. Мара, она же Марина, пока своими тайнами делиться не хотела, хотя внимательно слушала все, что говорят остальные. Нужно отдать должное Женьке и Алине, которые, несмотря ни на что, ничего не скрывали от все еще немного нелюбимой хозяйки духов. Точнее, Жива и сама делилась, и Пламена подталкивала – удивительно светлый ребенок.

Пробежка закончилась, как и мои размышления. После было занятие гимнастикой, а затем по-настоящему начинался очередной рабочий день в то ли поместье, то ли селении Добробор. К названию я уже привык, хоть оно по-прежнему немного царапало слух.

Отправив учеников по домам, точнее домикам, мы с Леной пошли в основной сруб. Еще месяц назад я ворчал, что приходится жить в вагончике, потому что в доме битком набито, а теперь мы с Леной здесь лишь вдвоем. Вера Ильинична решила поселиться в Нижнем поселке, из которого явно собралась устроить полноценную детскую больницу.

После пробежки и гимнастики необходимо принять душ, куда я и отправился. Лена не стала ждать и составила мне компанию. Это тоже стало нашей маленькой традицией. И все же она не спешила переезжать из комнаты, где раньше жила с Женькой, оставляя мне определенную свободу. Так что теперь я жил как барин, имея и спальню, и просторный кабинет, неплохо обставленный сделанной сосновцами мебелью. Николай Николаевич даже расщедрился на столешницу из мореного дуба, хотя остальные детали большого, под старину стола сделали из обычной древесины. Осматривая кабинет с бревенчатыми, специально ничем не закрытыми стенами, я ловил себя на мысли, что не хватает только чучела медведя и большого напольного глобуса. Без чучела я точно обойдусь, а вот глобус сосновские мебельщики мне уже обещали, причем не с наклеенной картой, а резной, да еще и мини-баром внутри.

Я улыбнулся своим помещицким замашкам и, быстро надев костюм, который сам для себя определил как приличествующую моему положению униформу, отправился на общий завтрак. Удобнее было бы в обычных джинсах и футболке, да еще и мягких тапочках, но интуиция подсказывала, что так будет правильнее. Официальная одежда дисциплинировала и меня самого, и моих подопечных. Уходить совсем в официоз и устанавливать дистанцию не хотелось, но это явно необходимый минимум.

Завтрак, как и все приемы пищи в нашей компании, проходил непринужденно, но без баловства, которое я старался строго пресекать. И вообще, казалось, что у нас тут не зародыш школы, а просто большая семья, где дети находятся на домашнем обучении.

Весь июнь я мучил ребят занятиями по обычной программе, но начал замечать, что на них это действует угнетающе, поэтому объявил каникулы до сентября. Радости было море, но медитации с Баюном, как и магический кружок, остались. А у Алины было еще и ежедневное посещение нашей мини-больницы в Нижнем поселке.

Когда все закончили с завтраком, я повернулся к сидящей слева от меня целительнице:

– Алина, ты как, готова?

– Да, Алексей Степанович, – ответила девочка, стараясь подавить тяжелый вздох, и печалила девочку отнюдь не необходимость работы с больными, а то, что в поселке ее ждет мать.

Вот такая странная ситуация у нас образовалась. Причем невесело было не только Алине, но и нам с Верой Ильиничной.

– Ну, тогда пошли.

Пламен сочувственно посмотрел на Алину, а вот Марина оставалась равнодушной. Она толком не помнила своих родителей, поэтому все эти странные хороводы ее лишь раздражали.

Мы вышли на крыльцо основного дома, которое смотрело на восток, в сторону спуска с вала. Лес, конечно, выглядел красиво, особенно на рассвете, но виды озера все равно были лучше, поэтому окна комнат домиков моих подопечных, да и моего кабинета выходили именно в ту сторону.

– Ты себя нормально чувствуешь? – спросил я у девочки, пока мы шли по выложенной красной плиткой дорожке, позволявшей идти рядом друг с другом.

– Да, просто мама опять будет говорить всякие гадости.

– Она тебе грубит? – нахмурился я.

– Нет, – невесело улыбнулась Алина. – Гадости она говорит про вас и тетю Веру.

Да уж, ситуация еще та. Мне было проще с бандитами разбираться, чем с этой женщиной. Мать Алины, которой Вера Ильинична неосторожно позвонила через несколько дней после нашего бегства из больницы, как-то умудрилась вычислить, где мы живем, и явилась собственной персоной. При этом истрепала мозг не только участковому Митричу, заставив отвезти себя к нам, но и мне, причем на первой же встрече. А вот с дочерью она была необычайно ласковой, чем явно удивила ребенка. У этой дамочки наверняка имелся какой-то план, который меня точно не устроит.

Мой с трудом подавленный раздраженный хмык был уловлен обеспокоенной девочкой:

– Вы не подумайте, я люблю маму, и вас с тетей Верой тоже.

По выражению глаз Алины я понял, что решать эту проблему опять придется мне, и она примет любое мое решение. Ну что же, назвался груздем – полезай в кузов.

Широкая лестница с деревянными ступенями и двойными перилами, удобными и для взрослых, и для одиннадцатилетних детей, позволила нам чинно спуститься к Нижнему – так мы решили называть спонтанно возникшее скопление деревянных бараков, в которых поселили больных детей. Как показала практика, с юными организмами Алине работать намного легче, чем со взрослыми, но все равно опытный врач-педиатр подошла к делу максимально серьезно. Пока Алина действовала крайне осторожно, в основном выполняя роль диагноста. Если и проводила какое-то магическое вмешательство, то лишь точечно. В остальном Вера Ильинична упирала на медикаментозное лечение сертифицированными лекарствами. Но даже так, благодаря верным диагнозам и легкой коррекции, у тандема из опытного врача и пока еще слабой, начинающей целительницы получалось то, что было не под силу окрестным больницам. Я как никто понимал, если слава Алины разойдется слишком широко, у нас будут проблемы не только с властью имущими, но и простыми людьми. Впрочем, это заботы будущего, а сейчас вон стоит у подножия лестницы проблема насущная.

В свое время я принял мудрое решение и не пустил старшую Белугину на вал. Ей, конечно, было плевать на мои запреты, но сначала настырной дамочкой занялся Шалун, а когда она, дважды упав и расквасив себе нос о перила, все же доползла на четвереньках до середины лестницы, в дело вступил Злюка. Да, дух – любитель маньяков и прочих темных личностей вернулся к нам. Зачем и почему – для меня было загадкой. Марина как-то неохотно говорила о мотивах своего подопечного, но уверяла, что он будет вести себя хорошо. Я же скорее обрадовался, чем огорчился. Добрыня не даст злобному духу вредить нам, зато меня перестала грызть совесть, подбрасывая картинки, в которых какая-нибудь больная на голову медсестры или, упаси боже, врач под воздействием питающегося людской тьмой духа начнет вредить и без того больным детям.

В общем, Злюке хватило пары минут, чтобы заставить упрямую мамашу, в которой тьмы было на полтора маньяка, не только убраться с лестницы, но, кажется, и обмочиться со страху. Хорошо хоть не убежала в лес к лешему, а то он паникеров любит, да еще и с темной душой. Увел бы к своей подружке кикиморе, а мне потом объясняй ребенку, куда девалась ее мама. Я ведь сразу предлагал этой стерве кров и пропитание в Нижнем, всего лишь за помощь в уходе за больными детьми, но амбиции этой женщины распространялись намного дальше.

– Алиночка, доченька! – раненой птицей бросилась к дочери мать, но осмотрительно дождавшись, пока ребенок сойдет с лестницы.

Злюка у нас еще тот мерзавец, но дрессировщик стерв отличный.

– Ты хорошо себя чувствуешь? Тебя никто не обижает? – продолжала театрально причитывать мамаша, при этом бросив на меня такой обвиняющий взгляд, будто я – деспот, садист, а может, и вовсе педофил.

Я лишь скрипнул зубами и глубоко вздохнул. Женщин бить нельзя, даже таких, как бы сильно ни хотелось. Поведение старшей Белугиной нельзя назвать заведомо стервозным, но в совокупности выбешивало невероятно. К лестнице уже спешила Вера Ильинична, и я еще раз вздохнул, предвкушая очередную серию мексиканского сериала, так сказать, в натуре. Женщина-врач давно в мыслях своих удочерила Алину, и уж точно ее любовь к девочке была куда чище и бескорыстнее, чем у родной матери. Увы, в такие моменты солидность и рассудительность напрочь слетали с бывшей заведующей педиатрическим отделением, превращая ее в обычную женщину:

– Прекратите эту сцену! Вы тревожите больных детей.

– Значит, деточек вам жалко?! – змеей зашипела Белугина. – А мой кровиночки не жалко?!

– Хватит паясничать! – завелась Вера Ильинична. – Вы все прекрасно понимаете. Алина помогает детям и учится. Это нужно прежде всего ей.

– Я – мать, я сама знаю, что нужно моей дочке!

Ну вот сколько можно? И хуже всего то, что Алина вынуждена на это смотреть. Причем перепалки между женщинами становились все жарче, грозя однажды перейти в таскание за волосы. Я не хотел влезать в эту свару и раньше просто ждал, пока они выдохнутся. Так обычно и случалось, но то ли сегодня обе были в ударе, то ли снова выиграло то странное чувство, охватившее меня, когда я объявил себя хозяином этого места. В общем, придется мне сыграть роль царя Соломона в дележе ребенка. Правда, древний способ тут, увы, не сработает.

– Хватит, – не очень громко, но жестко сказал я, и было что-то в моем голосе такое, что заставило женщин замолчать.

А еще Добрыня, который благодаря появлению Алины еще больше расширил зону своего влияния, хорошенько так встряхнул пространство вокруг нас. Меня это приободрило, а вот спорщиц напугало.

– Зоя Ивановна. Давайте честно, чего вы хотите?

– Я хочу забрать свою дочь домой, – упрямо заявила Белугина.

– И максимум через неделю ее у вас отберут, причем бесплатно.

– Я не продавала свою дочь, меня вынудили! – Намек она поняла правильно и тут же перешла на ультразвук.

– Вас никто не обвиняет, – поморщившись, сказал я, – просто говорю как есть. Алине нужно развиваться, а значит – лечить.

– Она может развиваться и дома, – не унималась мамаша, добивая мое терпение.

– Как в прошлый раз? – вновь не удержалась Вера Ильинична. – Ты же едва не угробила своего ребенка. Трижды!

– Не твое собачье дело...

– Хватит! – теперь пришлось повысить голос. – Вера Ильинична, мы тут не пытаемся выяснить, кто виноват. Нам нужно решить, что делать. Зоя Ивановна, вы же отлично понимаете, что спрятаться не получится, особенно если Алина будет исцелять хоть за деньги, хоть без них. Тем более без контроля медиков, а значит, с риском для себя. Тогда почему не спрятаться у нас? Я не говорю, что смогу обеспечить ей полную защиту, но вы сами убедились, что определенные возможности у нас есть.

Судя по искажившемуся лицу Белугиной, она понимала, о чем я, но мне на ее переживания было как-то плевать:

– У вас есть два варианта. Либо остаетесь жить и работать здесь, и сможете видеть дочь каждый день, либо...

– Да какая тут жизнь! – перебила меня женщина. – В лесу? В бараке, где вместо нормального туалета вонючая дырка? Поселите меня вместе с дочерью.

– Это невозможно, – решительно ответил я.

Вот уж чего делать точно не стоит, так это впускать такой мощный раздражитель в наш и без того хрупкий мирок. Впрочем, я попытался смягчить отказ:

– Не беспокойтесь, условия в Нижнем вскоре улучшатся и...

– А деньги? – снова перебила меня эта неугомонная женщина.

– Зоя Ивановна, у нас никто не получает зарплату, даже я.

– Да не нужны мне ваши гроши. Я не собираюсь таскать утки за чужими детьми! Мне нужна моя доля.

– Какая доля? – немного растерялся я, хотя быстро понял, о чем она говорит.

– За лечение.

– Мы не берем денег с пациентов. Это же дети, – попытался урезонить я разошедшуюся женщину, но, похоже, она уже полным ходом направлялась к истерике.

– А нужно брать! Там родители не такие уж бедные! Да и взрослых можно лечить. Уверена, вы как-то наживаетесь на моем ребенке! Все, я забираю Алину, и мы уезжаем! Вы не имеете права удерживать ее силой!

– Никого мы не удерживаем. Алина, – повернулся я к девочке, которая побледнела и явно сдерживала слезы с большим трудом. – Твоя мама права. Мы не можем держать тебя здесь силой. Если захочешь уехать, так тому и быть.

Скользкий момент, да и приемчик подленький, но необходимый. Мамашу я могу послать далеко и надолго. Мне на нее плевать, но если в памяти ребенка останется хоть тень принуждения, последствия могут быть непредсказуемыми и крайне плачевными.

– Я хочу остаться, – тихо пискнула девочка, но ее слышали все.

– Неблагодарная! – взвизгнула Белугина.

С подсказкой Добрыни я чувствовал, что до этого дамочка больше изображала истерику, но сейчас окончательно слетела с нарезки.

Женщина ухватила все еще стоящую рядом дочь за руку и потащила к себе. Алина начала упираться и заплакала. Вторая рука матери дернулась, словно она хотела ударить дочь. Движение скорее рефлексное, и вряд ли она действительно собиралась бить, но кое-кому хватило и этого. Мне даже волосы взъерошило от порыва ветра, а через секунду Белугину отшвырнуло от девочки. Я едва успел схватить дернущуюся следом Алину.

Над отлетевшей метра на три и упавшей на спину женщиной за клубилось знакомое темное облако. В такую ярость домовой не впадал, даже когда к нам в подвал ломились убийцы. И разозлился не только он – без помощи Добрыни на большом расстоянии от дома, да еще и днем, у Колывана не получилось бы сдвинуть даже щепку.

– Колыван! – строго крикнул я и с трудом подавил желание сказать «фу». – Прекрати немедленно!

Нависшая над Белугиной, явно давившая ей на сознание черная дымка с горящими глазами тут же растаяла. Боюсь, теперь домовому придется долго восстанавливаться, лишив нас своего искрометного общества.

Передав ребенка Вере Ильиничне, я подошел ко все еще лежавшей на траве женщине. Изображать джентльмена и помогать ей подняться желания не было.

– Вы сами сделали выбор. У вас остался только один вариант. Езжайте в город и устраивайте свою жизнь, как хочется. С Алиной можете видаться по выходным. В село скоро поедет

машина, дождитесь ее вон на той лавочке. Можете пойти пешком, но я бы не советовал – в лесу живут куда менее гостеприимные господа, чем наш Колыван.

Кто бы сомневался, что сил у Белугиной вполне достаточно, не только чтобы подняться на ноги, но и залепить мне пощечину. Однако и благоразумия тоже было куда больше, чем она хотела показать. Да и Колыван напугал ее до чертиков. И все же женщина не могла не оставить за собой последнее слово:

– Я это так не оставлю. Я вас всех засужу!

Резко развернувшись, она порывисто зашагала к лавочке у дальнего барака. Я же вернулся к своей подопечной:

– Алина, мне очень жаль, что так получилось, но поселить твою маму наверху я просто не могу. Ты это понимаешь?

Девочка, конечно, была в шоке, но данный нюанс нужно было прояснить прямо сейчас.

– Понимаю, – печально вздохнула Алина, а затем, явно представив, что могла устроить ее мамочка наверху, зябко передернула плечами.

– Может, отложим обход больных? – спросил я и получил в ответ вполне ожидаемую реакцию.

– Нет! – вскинулась Алина и расправила плечи, причем явно копируя манеру поведения Веры Ильиничны. – Им плохо. Они меня ждут.

– Ну, тогда пошли помогать страдальцам, госпожа целительница, – улыбнулся я и протянул Алине руку, за которую она тут же взялась.

Внутри барак выглядел не так простецки, как снаружи. Сосновцы постарались на славу, и плотно подогнанные доски были выкрашены в белый цвет. Основное пространство разделено ширмами на восемь отсеков с двумя койками в каждом – для ребенка и сопровождающего. В основном это были матери. Сейчас у нас находилось пять пар.

Прямо у входа имелось отдельное помещение с широким входом. Туда мы и направились. У Алины здесь было специально оборудованное рабочее место. Подогнанный под ее рост стул оплетали провода, уходившие к приборам на столе. Что интересно, для больных у нас никакой особой аппаратуры кроме обычного кардиографа не было. С диагностикой юная целительница справлялась сама. А вот для контроля за ее состоянием Вера Ильинична откуда-то выписала кардиомонитор и электроэнцефалограф. Процесс закрепления датчиков на теле и водружение на голову девочки странной конструкции выглядел жутковато, но обе участницы делали это спокойно и привычно.

К больным Алина не ходила, их доставляли на место ее работы без сопровождения родителей. Детские кровати имели колесики. Бледного мальчика лет пяти Вера Ильинична прикармывала через минуту. Целительница начала водить над ним руками, проговаривая вслух свои наблюдения, а доктор впиалась глазами в экраны приборов, отслеживая состояние Алины. За два месяца девочка успела нахвататься медицинских терминов, из которых я понимал едва десятую часть, но это вообще не мое дело. Моя задача даже не столько в обучении, сколько в обеспечении и защите. Вот этим и займусь.

Выбравшись на свежий воздух, я позвонил Зинаиде Захаровне и пояснил ей сложившуюся ситуацию.

– Да уж, это проблема, – подытожила опытный педагог и чиновница. – Плохо, что Алина не может лечить тяжелых. Есть у меня одна дамочка. У ее сына церебральный паралич. Если бы вы смогли хоть немного улучшить его состояние, она бы эту Белугину в бараний рог скрутила и вообще лишила родительских прав.

– Нет, мы так рисковать не можем. Вера Ильинична сказала, что к тяжелым Алину раньше совершеннолетия подпускать не стоит.

– Ладно, – шумно вздохнула Зиза, – я попробую что-то сделать. До связи.

– До свидания, Зинаида Захаровна. Вас ждать на выходных?

– А куда же я от вас денусь? – с явно читающейся улыбкой сказала моя бывшая начальница.

Если нас с Леной можно назвать приемными родителями для юных магов, то Зиза – любящая бабушка.

Добрая улыбка на моих губах продержалась недолго. Белугина действительно может нам навредить. Очень не хочется торопить события, но как бы ни цинично это звучало, Алина для нас не только дополнительный фактор риска, но и возможная, причем немалая часть оборонительной стратегии. Элита Беларуси в политическом плане – давно подневольное сословие, но в некоторых важных вопросах отступать не станут. Возможность обеспечить здоровье своим детям может толкнуть власть имущих на серьезные поступки. Впрочем, все это так – мои хотелки, но отбрасывать я их не собираюсь, как и рисковать девочкой. Так что вариант с ведьмой-репетитором становится безальтернативным.

Я сразу понял, что антиквар обманул меня, но не заморачивался по этому поводу. Очень уж не хотели связываться с ведьмами мои консультанты. Филипп Филиппович из мохнатой кожи вон лез, вспоминая все что можно по травничеству и зельеварению, терзая себя муками распечатки родовой памяти. Польза была, но слишком маленькая. Алина послушно повторяла слова ведьмовских наговоров, которые Баюн выуживал из родовой памяти. Но ни правильный подбор трав, ни скрупулезное повторение процесса варки зелий не помогали. Целебные отвары давали минимальный эффект – совершенно не такой, как у внуки Николая Николаевича. К тому же Баюн говорил, что мощные зелья готовятся персонально под каждого больного. В общем, нам нужна ведьма, чтобы изучить этот аспект и поставить его на службу Алине.

Пускать такого опасного чужака в наш мирок я не боялся. Ведьма будет жить в Нижнем под неусыпным контролем всей стаи наших духов. Правда, ее еще нужно заполучить и, что самое главное, заставить сотрудничать. Поэтому я, отвезя антиквару монеты, напомнил об обещании, да еще и с намеком. Надеюсь, он справится, потому что в нашем положении спасти может только очень быстрый прогресс. Увы, из серьезной силы Добробор может рассчитывать лишь на магию одиннадцатилеток. Иногда от ощущения собственного бессилия выть хочется, но тут уж ничего не поделаешь. Остается последовать совету Марка Аврелия – делать что должно, и будь что будет.

Глава 2.1

Люди спешат жить, стремясь к своим порой примитивным целям, не замечая красоты этого мира. И лишь иногда, когда обстоятельства вырывают их из трясины суеты, восхищаются шедеврами мироздания: россыпью далеких звезд, падением осеннего листа или, как сейчас, пляшущими пылинками в косом столбе солнечного света, который тайком проник в темный подвал. Увы, настроение у Руты было совершенно не тем, чтобы это маленькое чудо смогло хоть как-то порадовать ее. Мало того, этот кусочек благодати Ярила лишь напомнил, что, скорее всего, подставить лицо буйным потокам солнечного света она больше не сможет. Да даже подползти к чудовищно медленно ползущему по полу солнечному пятнышку не позволяла цепь, на которую ее посадили как собаку.

Рута ухватила грязными пальцами за толстую, укрепленную колдовскими отварами кожу ошейника и обреченно завывала. Тихо и тоскливо, почти заскулила – на громкие звуки сил уже не было. Не так она представляла себе свое будущее, когда пятнадцать лет назад, еще совершеннейшей соплюхой, встретила Всеславу. Юная девушка сразу почувствовала исходящую от этой женщины силу, восхитилась неувядающей красотой ведьмы. Глядя в пронзительно черные глаза, она поняла, что готова пойти на все, лишь бы хоть чуточку прикоснуться к таинственному миру, в котором живет повелительница ночи. И прикоснулась, на свою беду. Да что уж там, вляпалась по самое не могу.

После красивых ритуалов тогда еще Иволгина Ольга Романовна превратилась в юную ведьму Руту. Такую милость Ольга заслужила не просто так. Всеслава почувствовала в ней родовую силу травницы. Чтобы развить эту силу, пришлось пройти через множество ритуалов, и лишь спустя несколько лет Ольга поняла, что каждый раз, получая от наставницы новые возможности, она затягивала на своей шее ошейник, похуже того, что сейчас удерживает ее на цепи. Не наставницей стала старшая ведьма, а хозяйкой, и все эти слова о том, что почти древняя ведьма готовит себе преемницу, оказались лишь сказками для наивных девочек. Позже Рута поняла, что нет никакой пресловутой силы, которую ведьма обязана передать другой одаренной, чтобы спокойно уйти из мира живых. Есть только опыт, тайные знания и обеты, которые не только усиливали ученицу, но и привязывали ее к хозяйке.

Наивность давно сошла с Руты, как первая кожа со змеи, и она начала искать информацию где только могла. То, что узнала, повергло ее в шок. Смертность среди учениц ведьм чудовищная. В ритуалах погибает две трети претенденток, а те, кто выживает, люто ненавидят хозяйку и друг друга. Поэтому, едва молодая ведьма входит в силу, то сразу же отселяется от наставницы на другой конец города, иначе желание убить хозяйку становится непреодолимым. Свободой это не назовешь, и младшие ведьмы ковена выполняют все приказы старшей, но находят утешение в сытой, разгульной жизни. И все же им не дает покоя и отравляет бытие понимание того, что в любой момент хозяйка может не только потребовать свою долю, но и выдать приказ, которого не ослушаешься, даже если он самоубийственный.

Поначалу Рута надеялась, что вскоре покинет дом злобной и стервозной хозяйки, обретя хотя бы видимость свободы, но ей не повезло. Всеслава изначально готовила из нее травницу, а не специалиста, так сказать, широкого профиля, поэтому не собиралась отпускать от себя, превратив, по сути, в личную рабыню. У не владеющей проклятыми наговорами, сглазами и ритуалами призыва темных духов, можно сказать неполноценной ведьмы не было никаких шансов навредить хозяйке. Ну, почти никаких. Жизнь в особняке Всеславы для некогда веселой и задорной Руты, а теперь ставшей тенью себя прежней, превратилась в пожизненное заключение. Неудивительно, что желание освободиться стало навязчивым, почти маниакальным. Единственный шанс получить свободу для младшей ведьмы ковена – это смерть старшей. Убежать не получится. Всеслава найдет ее даже в Африке и устроит веселую охоту для остальных пяти

учениц. И в том, что подруги по несчастью будут искать ее с радостным остервенением, Рута даже не сомневалась. Никто не сможет простить ей то, на что самим не хватило смелости. Так что Рута готовилась втайне и тщательно. И вот однажды она все же нашла способ вырастить травку с особыми, совершенно не свойственными ей качествами.

В тот день Рута специально порезала себе руку ножом для сбора трав и не смогла лично варить простое приворотное зелье. Заказ был срочным, и Всеслава сильно озлобилась, даже влепила ученице пощечину, но взялась за ритуал сама. А Рута приготовилась действовать. Садовый нож, который уже испил ее крови, должен был попробовать руды еще одной ведьмы. Жаль, что только попробовать.

Когда это случилось, Рута была готова. Обычный процесс внезапно дал сбой из-за особых, дополнительных свойств стандартного ингредиента зелья. Стоявший на открытом очаге старый бронзовый котел вдруг исторг из себя густые клубы дыма, тут же заполнившие мастерскую. Как раз читавшая наговор и водившая над котлом руками Всеслава не заметила этого, потому что колдовала с закрытыми глазами, так что на очередном вдохе ухватила изрядную порцию испарений и, захрипев, упала на пол, где забилась словно в падучей. Через несколько секунд Всеслава замерла, и Рута, задержав дыхание, прыгнула к ней свирепой кошкой. Неимоверными усилиями ей удалось сдержаться и не полоснуть ножом по открытому горлу хозяйки. Сделай она это – и сработали бы данные обеты, выжигая внутреннюю силу вместе с жизнью. Вместо этого Рута резким движением провела заточенной стороной загнутого садового ножа по внутренней части предплечья Всеславы от локтевого сгиба до кисти. На пол обильно полилась кровь. Травница вскочила и побежала. Чем дальше она будет от дома в момент смерти хозяйки, тем лучше.

К счастью, загодя вызванное такси терпеливо дожидалось ее на соседней улице. Водитель попробовал было возмутиться, но так и замер с открытым ртом, увидев рухнувшую на заднее сиденье растрепанную женщину с безумными глазами.

– Поехали, – не в силах отдышаться, прохрипела травница и бросила на переднее сиденье пачку денег.

Расчет был верным. Таксист тут же захлопнул рот, сел ровно, завел машину и сорвал ее с места. Ведьма в это время судорожно доставала из прихваченной сумки давно заготовленные зелья и вливала их в себя с остервенением находящегося на грани белой горячки алкоголика. Эти составы должны были смягчить откат от непрямого убийства хозяйки. Ведьма до конца не понимала, как именно все должно пройти, так что перестраховалась по полной.

Увы, ни через пять, ни через десять минут, ни даже через полчаса, когда они уже выехали за пределы города, откат так и не наступил. А значит, Всеслава выжила. Тоска с такой силой навалилась на плечи Руты, что она с трудом заставила себя выпить еще одно, последнее в ее жизни зелье. Теперь точно все. Она даже не особо испугалась, когда черный внедорожник Бажены перекрыл путь такси. Вторая по старшинству ученица главы ковена, одетая в облегчающие джинсы и оголявший плоский живот топик, даже в ярости двигалась с особой грацией. Ведьма подошла к начавшему орать на нее таксисту, улыбнулась и что-то прошептала в лицо мужчине, от чего он застыл соляным столпом.

Бажена вытащила Руту из машины за волосы и в дикой ярости так сильно ударила коленом в лицо, что беглянка потеряла сознание. Впрочем, все это уже не имело никакого значения. Через несколько минут яд должен был подействовать и прекратить все мучения женщины.

Увы, просто так уйти в мир иной ей не дали. Вытащили, наверняка приложив гигантские усилия и, возможно, проведя общий ритуал силами всего ковена. Когда Рута открыла глаза, то сильно пожалела, что не оказалась в аду и не смотрит сейчас на демона. Впрочем, по жути внешний вид Всеславы в этот момент мог дать фору любому обитателю Преисподней. Ведьма, которой недавно исполнилось сто тридцать пять лет, выглядела как раз на свой возраст. От увиденного у Руты перехватило дыхание и затряслись губы.

– Что, не нравлюсь? – каркаяще спросила Всеслава.

Выглядела она чудовищно – на бледно-желтом лице расплылись почти трупные пятна, а волосы, которыми она так гордилась, поседели и наполовину выпали.

– Ну ничего, сейчас мы это исправим.

Всеслава начала читать неизвестный Руте наговор, но к чему шло дело, было понятно и так. В обоюдных обетах, раскрывавших силу новоиспеченной ведьмы, имелось много нюансов, включая передачу жизненной силы. Но также там было множество условий, не позволявших хозяйке пользоваться этим правом просто по желанию. Увы, Рута нарушила важнейшее из этих условий, и теперь Всеслава пила ее жизнь как вино. Сознание травницы начало гаснуть, но старая ведьма не собиралась проявлять такую милость к своей несостоявшейся убийце:

– Не спеши, нам еще многое нужно обсудить. – Хозяйка все еще выглядела жутко. Но трупные пятна пропали, и кожа на лице была уже не такой желтой и сухой.

Если до этого Руте казалось, что она живет в клетке, то теперь начался суицид. Хозяйка регулярно, утром и вечером, заходила в подвал, чтобы подпитаться от нее, как от батарейки, и каждое посещение приносило жертве невыносимые муки. Старой ведьме даже не приходилось бить или пугать свою пленницу, достаточно самого процесса передачи жизненных сил. Рута сопротивлялась как могла, но множество данных обетов не позволяли удержать в себе и крохи живительной энергии. Женщина чувствовала, что смерть приближается с каждым днем, и уже ждала конец, как избавление.

Глядя на пляшущие в полоске света пылинки, Рута думала о том, что, возможно, вечернее посещение Всеславы наконец-то избавит ее от мук. Ярило ушел за горизонт, а вместо него, как предвестница тьмы, явилась Всеслава. Она уже не выглядела извлеченной из саркофага мумией. Посвежела и помолодела пуще прежнего, но старушечьи глаза никуда не делись. Присев на лавке у стены, Всеслава долго смотрела на пленницу, явно желая нагнать на нее жути, но Рута свое уже отбоялась.

– Думаешь, отмучилась? – ехидно спросила старая ведьма, словно прочитав мысли жертвы. – Не надейся. Ты еще не до конца рассчиталась за свое предательство. Но знаешь что? Есть шанс расплатиться полностью. Если не будешь дурой и сделаешь все как надо, я прощу тебя, и все вернется на круги своя.

Надежда предательски заворочалась в душе Руты. Тут уж ничего не поделаешь – любому живому существу хочется жить, но как бы цена за эту жизнь не была хуже смерти. Очень хотелось спросить, что именно придется сделать, но Рута сдержалась.

– Я тут решила продать тебя по сходной цене, – не дождавшись нужной реакции, Всеслава решила перейти к делу. – Есть покупатель на травницу. Станный мужик, непонятный. Хочет, чтобы ты научила его ремеслу. Сделаешь вид, что учишь, но тайны наши раскрывать не смей. Ты поедешь выведывать чужие. Мне нужно знать все, что происходит на земле этого мужика, а то слухи ходят один чуднее другого. Согласия не спрашиваю, ты теперь на коротком поводке, хоть и отпускаю тебя в чужой дом. Но если вздумаешь юлить, щелкну пальцами, и ты сгниешь заживо. – Выдавая жестким тоном приказы, ведьма поднялась с лавки и подошла к бессильно облокотившейся на холодную стену Руте. Последние слова произнесла, нависнув над пленницей и приблизившись почти вплотную.

Ее голос стал каркающим, а красота развеялась. Лицо по-прежнему было гладким да румяным, но чары красоты слетели, и в чертах прорезалась истинная суть старой, почти древней ведьмы.

Рута думала, что больше испугаться попросту не способна, но этот мир не уставал убеждать своих обитателей, что всегда может быть хуже.

Глава 2.2

Когда я говорил, что Зиза для наших ребятишек стала бабушкой, то ничуть не преувеличивал. У себя в школе строгая директриса была эдаким грозным чербером, но иначе нельзя. Должен быть кто-то, кто сможет удержать в рамках эту бешеную банду отморожков, пока не имеющих ни психологических стопоров, ни моральных ориентиров. Когда их больше пяти сотен, то тут уж не до доброты. В Доброборе Зинаида Захаровна явно отдыхала душой. Ну а что? За дисциплину тут отвечает совсем другой бедолага. А мне остается надеяться, что маг – птица редкая и уютную атмосферу семейного детского дома удастся сохранить.

День был солнечным и жарким, так что сразу после позднего в честь приезда директрисы завтрака дети потащили Зизу на пляж. Я рад, что и у моей бывшей начальницы, и у нынешних учеников есть такая отдушина. Многие родители не понимают, чего лишают детей, ограничивая их общение с родными стариками. Ни одна мать не сможет научить дочь тому, что ребенок с легкостью воспримет от бабушки. Это совсем другой подход к воспитанию. Совсем иные каналы передачи информации. Да, немного искривленные, но порой более действенные, чем прямое внушение. Директриса понимала это лучше меня. У нашей стальной леди педагогического опыта на десятерых таких, как я, если не на полсотни. Даже дав волю бабушкинским инстинктам, она мягко гнула свою линию, закрывая оставленные мной лакуны. Ну и, конечно же, делала выводы.

Когда наигравшиеся вволю дети пообедали и разошлись по своим домикам для дневного отдыха, мы с Зинаидой Захаровной закрылись в моем кабинете.

– Ну, что сказать, Леша. В общем, ты все делаешь правильно. Авторитет держишь, но не перестарайся. Ты для них не просто учитель, а почти отец. Так уж вышло, что никто из ребят своих отцов или не помнит, или вообще в глаза не видел. Это сильный перекос в развитии, так что нужно подтягивать. Особенно это важно для Женьки. Он, конечно, еще толком не понял, как относиться к твоей связи с матерью, но на одних инстинктах тянется к единственному мужчине рядом. Знаешь, о чем он рассказывал мне уже не один раз?

– Удивите меня, – с искренним интересом попросил я.

– О вашей рыбалке.

– Это же было давно.

– Вот именно, – назидательно произнесла Зиза, – а должно происходить регулярно. Я понятия не имею, что не так с этой вашей рыбалкой, да и ты, похоже, тоже не понимаешь, но есть в ней какая-то магия.

– Зинаида Захаровна, из меня рыбак как из гуано пуля, да и времени вечно нет.

– Нужно найти. Такой инструмент грех не использовать. Марина с вами точно не пойдет, а вот Алина может заинтересоваться. Правда, тогда вам улова не видать, – усмехнулась Зиза. – Всех пойманных рыб она обязательно отпустит, да еще и подлечит на дорожку.

Возникшая в голове директрисы мысль заставила ее помрачнеть:

– Ты уверен, что она не сможет подлечить ребенка с параличом?

– Уверен, – решительно ответил я. – Без ведьминского зелья даже браться не стоит.

– Жаль, было бы неплохо придать вам статус семейного детского дома и нормально оформить детей. Валяева дверь в кабинет министра образования с ноги открывает, а уж социальные службы отфутболит не запыхавшись. Я так понимаю, что связаться с ведьмами не получилось?

– Увы, – развел я руками. – Не уверен, что это вообще возможно.

Как выяснилось всего через несколько часов, отчаивался я напрасно. Ближе к вечеру со мной связался антиквар:

– Алексей Степанович, хочу вас порадовать. Я договорился о вашей встрече с очень серьезной дамой. Она согласна помочь с вашими проблемами, но нужно оговорить условия.

И еще, хочу предупредить, не вздумайте с ней шутить. Если что-то пойдет не так, достанется и вам, и мне. Вы меня поняли?

– Не беспокойтесь, Лев Иванович. Это не первая опасная особа, с которой мне приходится иметь дело. Я буду крайне осторожен.

– Хотелось бы, – проворчал старик. – Если честно, я уже сто раз пожалел, что связался с такими, как вы, но при этом не могу удержаться, чтобы не заглянуть за завесу. Надеюсь, вы понимаете, о чем речь.

– Прекрасно понимаю, – с улыбкой ответил я. – Самого до сих пор плющит.

В конце разговора я получил от антиквара адрес и название столичного ресторана, где меня через пять часов ждет некая ведьма, по словам старика – очень опасная и своенравная. Столик будет заказан на мое имя, точнее фамилию, которую я, кстати, антиквару не называл. Неприятно, но тут уж ничего не поделаешь. Старик явно непрост, и это было понятно изначально. Тем более нужно серьезно отнестись к его предупреждениям. Так что будем готовиться.

Собирать всех я не стал не потому, что хотел сохранить тайну, просто Марина по-прежнему скрытничала и чуточку приоткрывала свои секреты только для меня и Колывана. А сейчас снабдить меня хоть какой-то защитой могла только она.

Домовой для хозяйки духов был явлением строптивым и раздражающим, но понятным, а я стал кем-то вроде защиты – возможно временной, возможно слабой, но все же... К Филипп Филиппычу она относилась терпимо, так что в домике Мары мы собрались втроем, ну и, конечно, чувствовалось незримое присутствие Добрыни.

Обстановка в жилище девочки была все такой же нарочито детской, но с каким-то налетом патины. И вообще я замечаю, что чем дальше, тем больше Марине не нравятся яркие цвета. Даже платья у ее кукол были однотонными и тусклыми. Уверен, со временем вкусы хозяйки духов вообще унесет куда-то к готам. Хорошо это или плохо, пока не понятно. Меня вообще время от времени оторопь берет от перспектив, но нахожу в себе силы, встряхиваюсь, как выбравшийся из воды пес, и иду дальше.

Первым слово взял уже оклемавшийся после своей выходки в Нижнем Колыван:

– Тебе нужно обязательно взять леворверт, – заявил домовый, продолжая коверкать название оружия. – Да пули серебряные к нему!

– Не помогут от ведьмы серебряные пули, – высказался Баюн, вальяжно развалившись на подоконнике и лениво помахивая хвостом. – Им что серебро, что свинец, все едино.

– А тебе почем знать? – зло прищурился домовый.

– Да без разницы, – вмешался я в эту перманентную грызню говорящего кота с домовым. – Не буду я брать пистолет.

– Значит, придется довериться этим малахольным, – изобразил вселенскую безнадегу Колыван.

– Не называй их так, – вступилась за своих подопечных до этого молча наблюдавшая за нами юная хозяйка духов.

– А как этих бестолочей называть? Твой Красный совсем без царя в голове. От него вреда больше, чем пользы.

Марина обиженно надулась, но, скорее всего, не из-за упреков домового, а потому что так и не смогла полностью выдрессировать строптивного духа. Красный, он же Злюка, был большим любителем черных душ и почитал порождаемую ими тьму за изысканный деликатес. А больше всего ему нравилось подселаться к потенциальным маньякам и, так сказать, раскрывать их потенциал. Почему этот почти демон вернулся к нам, не понимала и сама Марина. Мы уже обсудили с ней эту ситуацию и пришли к определенному выводу, так что я сам вступился за Красного:

– Да, он непредсказуем, но бесполезным я бы его не назвал.

– Он же тебя едва не уморил! – не унимался Колыван.

– Но перед этим спас, – парировал я. – В общем, Красного возьму с собой как последний аргумент. Судя по реакции антиквара, на этой встрече он может оказаться меньшим злом. Теперь давайте думать, какие подвохи можно ждать от ведьмы.

– Амулет Кабара закроет тебя от ведьмовских чар, – подал голос, казалось, уснувший кот.

С месяц назад, после погружения в память очередного предка-баюна, он сумел опознать защитный амулет, доставшийся мне в наследство от бывшего хозяина поместья. Точнее, «вспомнил» описание очень похожей вещи, так что кое-какие предположения о возможностях моей главной защиты у нас были.

– Но не вздумай ничего пить и есть из ее рук, и старайся близко к себе не подпускать. Надушится тварь чем-нибудь убойным и задурит голову так, что ни один амулет не поможет.

– Что-то еще? – спросил я у довольно жмурящегося кота.

Уверен, радовался он не своей полезности, а тому, что перещеголял домового. Колыван вон аж искрить начал, но, поднатужившись, выдал важную информацию:

– О, нужно как-то след сбить! – Увидев наши недоуменные взгляды, домовый пояснил: – Дык, ведьма всяко пригляд за тобой пустит. Ворону али сороку какую.

Марина тут же спросила:

– А как ведьмы управляют птицами?

– Бывший хозяин, – впервые на моей памяти Колыван назвал так прежнего владельца усадьбы, – говорил, что те ритуалом особым частичку своего духа к птице привязывают.

– Дух – это хорошо, – задумчиво сказала Марина, – я скажу Шалуна, чтобы искал таких птиц.

На этом идеи у нашего маленького штаба закончились, и я пошел собираться на дело. Слова Колывана о слежке заставили изменить план. Никита не повезет меня прямо к ресторану, а будет ждать на окраине города. На место я доберусь с помощью такси.

Дорогу мы вроде распланировали грамотно, но в Минске случился затык с такси. И все же к ресторану я подъехал за пять минут до срока. Вид входящей в заведение публики немного озадачил меня. Для провинциального учителя мой костюм был неплох, а вот для ресторана он годился с натяжкой. Впрочем, я сюда не форсить приехал. Главное, что в левом кармашке жилетки в специально прошитых ячейках находились два бывших пробника от духов. Учитывая возникшие у меня проблемы во время эвакуации Алины, мы с Мариной пришли к идее использовать именно такие сосуды. При необходимости достаточно было одной рукой вынуть емкость из кармашка и пальцем нажать на кнопку переработанного пульверизатора. А чтобы впустить того же Шалуна обратно, следовало всего лишь сделать повторное нажатие. Если колба со Злюкой в кармане ощущалась как та самая доставшаяся обезьяне граната, то Шалун для меня стал практически боевым товарищем, и его компания придавала уверенности. Так что внутрь ресторана я зашел спокойно, как говорили в пору моего отрочества – сделав морду кирпичом.

– Вы заказывали столик? – вроде вежливо, но все же с неприятными нотками удивления поинтересовался стоявший у эдакой трибуны лохотный распорядитель.

– На фамилию Макаров.

Похоже, в записях кроме моей фамилии была какая-то пометка, потому что этот задавака тут же расплылся в угодливой улыбке.

Вот уж кому наверняка известно, что встречать по одежке иногда бывает опасно.

– Конечно! Ваш столик готов. Прошу пройти за мной.

Ну что же, ресторан как ресторан. Столик, слава богу, не в центре, а в неглубокой нише, создающей некий уют, при этом с неплохим обзором общего зала. Да и цены в принесенном меню не такие уж грабительские. К тому же есть я тут не собирался. Помня о предупреждении Баюна, попросил тещу Никиты собрать нам в дорогу снеди, и пока ехали, нажрался от пуза

пирожков, залив большим количеством чая из термоса. Поэтому, если я тут чем и воспользуюсь, так это уборной.

Судя по тому, как возле меня вьется этот хлыщ, ведьму они знают хорошо и вполне могут сыпануть мне в еду или питье того, что она им даст. В общем, я с легкой душой отпустил на волю паранойю, тем более что для этого не нужно ничего делать. В буквальном смысле ничего – не пить и не есть.

– Чего желаете? – поинтересовался молодой официант, сменивший распорядителя.

– Кофе. Эспрессо, – ляпнул я первое, что пришло в голову, таким тоном, чтобы отвязался.

Официант явно сдержал недовольную гримасу и удалился. К принесенному кофе я не притронулся и просто лениво осматривал зал, иногда косясь на вход. Кстати, неплохая обстановка. Публика более или менее приличная. На сцене вместо какой-нибудь кавер-группы или шансонье пианист и саксофонист негромко сдабривали атмосферу легким джазом. Я не меломан и уж точно не стал бы слушать джаз на досуге, но тут он пришелся ко двору.

Ведьма опаздывала уже на пятнадцать минут. Это раздражало, но не сильно. Мой опыт общения с женщинами таким уж богатым не назовешь, но кое-какие выводы я сделать сумел. Раздражение – это инструмент, которым из мужчин извлекается злость, а уже из злости вылепляется чувство вины на нанесенную в запале обиду. И способов высечь искру раздражения не счесть: опоздание, эмоциональные вспышки, логические провалы, мнительность и, конечно же, слезы. Причем все это возведено в ранг не просто приемлемого, а естественного хода вещей. Ну как же? Мы же девочки – существа иного порядка, нам положено быть такими! Я даже знаю, кем положено. Матерями, которые своим примером вдохновляли дочерей на будущие «подвиги». Тут не особенности конструкции, тут намеренно кривая прошивка. Им так проще жить. Впрочем, далеко не все женщины играют в эти игры, и в гендерные шовинисты я не стремлюсь.

Все эти мысли появились, потому что меня ждала встреча с мастерицей манипуляции высшего уровня, у которой на вооружении не просто стандартный женский набор, но и куча дополнительных сверхъестественных приемов. В общем, к моменту появления собеседницы я изрядно накрутил себя, но не так, как ей нужно. Кто бы сомневался, что появление ведьмы будет ярким, правда вышла небольшая осечка, и я не сразу понял почему. Женщина, которой на вид больше тридцати не дашь, так сказать, в самом соку, вошла в зал и тут же привлекла внимание всех мужчин. Красное платье почти в пол, но с разрезом до самого пояса. Плечи открыты, как и изрядная часть груди. Длинные перчатки такого же цвета, как платье, и помада на полных губах. Она плыла между столиками нарочито медленно, чтобы дать рассмотреть себя получше. И тут у меня появилось сомнение, что мы, в смысле присутствующие в зале мужики, видим одно и то же.

Я наблюдал правильные черты, грамотно нанесенный макияж, природную грацию, но не отпускало ощущение, что дамочка, как говорила шепутная часть моих учеников, «замолаживает». Ведьме явно сильно больше лет, чем она хочет показать. Миловидной ее можно было назвать, но роковой красавицей – точно нет. На улице я на такую не обернулся бы. При этом основная часть мужчин в зале с восхищением провожала ее взглядом, едва ли не пуская слюни, что заставило меня напрячься – и совсем не от ревности. Похоже, мы имеем дело с какими-то чарами. Очень надеюсь, что мой амулет справится. А если нет, то эта затея окажется самым тупым поступком на моей новой должности.

Ведьма подошла к моему столику.

– Алексей, – уверенно сказала она и одарила меня, как ей наверняка казалось, обворожительной улыбкой.

Меня пробрало легким ознобом, потому что сумел рассмотреть вблизи ее глаза. Даже не знаю, как их описать. Пугающие и отталкивающие – это все, что приходило на ум. В общем,

ответную улыбку выдавил из себя с трудом, поднялся со стула и легким кивком обозначил приветствие. Помогать ей усаживаться на спешил, потому что подходить ближе не было ни малейшего желания.

– Все верно, Алексей. Как я могу обращаться к вам? – отреагировал я тоном работника колл-центра.

– Меня зовут Всеслава, – с легким недовольством ответила женщина.

Ну а что? Мужики тоже умеют раздражать.

Ситуацию спас подскочивший официант, он и пододвинул даме стул. Ведьма тут же взялась рассматривать меню. То, что я нахмурился, она скорее почувствовала, чем увидела, и заинтересованно посмотрела на меня своими большими глазами, которые можно было бы назвать красивыми, если бы они не были пугающими.

– Алексей, ну же, расслабьтесь. Я не кусаюсь.

Вот уж спорное заявление.

– Простите, Всеслава, но я не привык расслабляться в подобных местах, к тому же приехал сюда с деловыми намерениями.

Мой намек на дело она проигнорировала и с напускным энтузиазмом предложила:

– Так может, переместимся в ночной клуб, если вам там будет привычнее?

От мысли, что я окажусь с ней в темном месте, где народ привык общаться практически прижавшись друг к другу, меня передернуло, что было подмечено ведьмой. От ее грудного, с легкой хрипотцой смеха стало еще хуже.

Да что же меня плющит-то так?! Неужели амулет не работает?

– И все же, сразу переходить к делу невежливо, – явно развлекаясь, капризно надула губки ведьма. – Давайте пообщаемся. Простой легкий разговор, как у американцев, смол-ток. Расскажите о себе. Вы такой интересный и загадочный мужчина.

Положив локти на стол и подперев скрещенными пальцами подбородок, она уставилась мне в глаза, с явным намерением загипнотизировать. Желание распустить хвост я подавил с большим трудом, зато немного разозлился. Раздражение – это тот инструмент, которым женщинам нужно пользоваться очень осторожно.

– Родился, учился, работал. Все как у всех. Думаю, ваша биография будет куда интереснее, раз уж мы решили развлечь себя смол-током.

Взгляд ведьмы стал холоднее. Она нахмурилась, затем, сузив глаза, пробежалась взглядом по мне и уставилась куда-то в район груди.

– Какое интересное у вас украшение, – сказала ведьма, снова вернув себе маску очарования, от которого меня подмораживало. – Позвольте рассмотреть его поближе?

И снова это желание угодить и сделать приятное даме, но я уже освоился, так что справился без усилий.

– Простая безделушка, доставшаяся мне в наследство. Если вы любите необычные вещи, могу показать вам кое-что другое. – С этими словами я запустил левую руку в карман жилетки и нащупал там флакон с Красным.

Перепутать не боялся, несмотря на то что изначально бутылочки были одинаковыми. Чтобы надежнее удерживать своевольного подопечного, Марина оплела флакон с Красным необычным шнурком. У меня имелись подозрения, что часть нитей были скручены из волос хозяйки духов.

Скорее всего, о наличии у меня амулета ведьма просто догадалась. Хотя, может, определила как-то иначе. Что же касается выставленного прямо на стол флакона, то содержимое она наверняка прочувствовала всем нутром. Да что уж там, возбуждшегося Красного ощутил даже я – волосы на руке зашевелились, словно наэлектризованные.

В целом красивое лицо ведьмы чуть исказилось, на мгновение став таким же отталкивающим, как и ее глаза.

– Ты зачем притащил это в общественное место?

Не похоже, чтобы она сильно испугалась, но, подозреваю, если Красный вырвется на волю, у ведьмы будут проблемы. Не фатальные, но серьезные.

– Только не говорите, что вас беспокоит общественное благо, – с напроцх фальшивой небрежностью сказал я, убирая флакон в карман. – Мне на него тоже плевать. Я сюда явился чтобы провести сделку, а вынужден заниматься лицедейством.

Женщина окатила меня долгим взглядом, как мне кажется, начав воспринимать серьезно. Или это я сам себе льщу? Впрочем, от еще одной попытки она не отказалась. Вильнувший в сторону взгляд ведьмы был мимолетным, но я все же заметил его. Если обернусь, то это будет выглядеть малодушно. Да и плевать! Извернувшись на стуле, я посмотрел на дальнюю часть зала и увидел крепко сбитого мужчину в дорогом костюме. Прямо классика – к нам направлялся кавказец, которого какие-то непонятные ветра занесли в Белорусские леса. И вид у сына гор был угрюмо-решительным.

Блин, она что, меня совсем за дурачка держит?

Повернувшись к ведьме, я тихо, но решительно сказал:

– Всеслава... не знаю, как вас там по батюшке. Если сейчас разразится псевдомусульманский скандал, сделки не будет. А может, вы изначально не планировали договариваться со мной?

Ведьма раздраженно дернула уголок рта и сделала быстрый знак пальцами. Я снова развернулся, чтобы увидеть результат. Интересно же! И мои ожидания оправдались на все сто. Сидевшая с кавказцем девушка, которую я, благодаря новому опыту, опознал как еще одну ведьму, встала и что-то сказала. Даже скорее шепнула – и как слова или что там произнесла девушка расслышал ее спутник, совершенно непонятно. Он уже почти дошел до нашего столика, и тут словно врезался в невидимую стену. Мужик начал растерянно оглядываться, словно не понимая, как здесь оказался. Затем нашел взглядом свою спутницу и, как-то неуверенно перебирая ногами, вернулся к ней. Я же снова посмотрел на Всеславу:

– Это все, или будут еще какие-то перформансы?

– Не обижайтесь, Алексей, – продолжая играть душку, ведьма успокаивала меня, словно капризного ребенка. – Простите девушке небольшой каприз.

– Небольшой? – невинным голосом уточнил я, всем своим видом показывая, что отреагировал скорее на слово «девушка».

– Хорошо, – посерьезнела ведьма. – Мне действительно нужны безанты. Лев сказал, что вам нужна травница, чтобы кого-то обучить. Вы же понимаете, что такие тайны стоят очень дорого?

– Я не претендую на чьи-то секреты. Достаточно той информации, которая известна всем вашим коллегам. Насчет корпоративной этики можете мне не говорить. У вас ее нет.

– А у вас, похоже, хорошие консультанты, – недобро так прищурилась ведьма.

– Не жалуюсь. Впрочем, если не хотите делиться даже общеизвестной информацией, мне будет достаточно, чтобы травница сварила несколько зелий для больных детей, – снизил я запросы, надеясь, что Алина сможет что-то подсмотреть, благо закрыть ее от внимания даже опытной ведьмы Добрыня точно сможет.

– Больных детей? – удивилась Всеслава.

Похоже, мне удалось ее запутать.

– К тому же мне для начала нужно посмотреть на претендентку. Боюсь, не всякая подойдет для этой работы, – проигнорировав вопрос, я продолжил путать информационные следы.

Ведьма задумалась. Ей явно очень хотелось выпотрошить меня как рыбу в плане информации, но это мы уже проходили. Уверен, имей я дело с колдуном – к примеру, бывшим хозяином Колывана, – меня бы уже волокли в пыточный подвал. Но пока дело не доходит до откровенной вражды, женщины, особенно умные, предпочитают действовать тоньше. А ведьмы от

простых женщин если и отличаются, то только большими возможностями. Их же сюда не с другой планеты завозят. Полной уверенности у меня не было, но приходилось играть теми картами, какие сдала капризная фортуна.

– Можно и посмотреть. У меня дома, – ехидно предложила ведьма.

– А разве она не здесь? Я думал, вы всех собрали.

– Нет, – качнула головой Всеслава, продолжая сверлить меня взглядом, чем изрядно нервировала.

Ехать к ней домой хотелось все меньше.

– Тогда пусть приезжает сюда. И вообще, я очень благодарен вам за то, что вы организовали нашу встречу именно здесь.

– Опасаетесь? – с тонкой насмешкой спросила ведьма.

– А то у меня поводов нет, – в тон ответил я.

– Хорошо, – кивнула Всеслава и снова посмотрела в зал.

Я проследил за ее взглядом и увидел, что по приказу старшей из-за стола встала молодая женщина и направилась к выходу. Причем не та брюнетка, которая сидела с кавказцем, а миниатюрная блондинка. Если тут есть еще и рыженькая, то получится поп-группа.

Минуты ожидания тянулись медленно, но лучше уж так, чем ехать в логово к этой хищнице. Даже боюсь представить, что она творит с мужиками, которых удалось затянуть в постель. Впрочем, в такой обстановке под ненавязчивый джаз и помолчать не так уж трудно, даже когда тебя внимательно изучает ведьма, одновременно разделявая бифштекс с кровью. Невольно чувствуешь себя гарниром.

Наконец-то ожидание закончилось, и в сумочке Всеславы тренькнул телефон.

– Идемте, – прочитав сообщение, сказала ведьма.

– А разве претендентка не составит нам компанию?

– Думаю, не стоит. Сейчас сами поймете почему, – загадочно заявила Всеслава и двинулась на выход.

Мне пришлось последовать за ней, причем в компании. Сидевшая с кавказцем брюнетка и еще одна женщина постарше такой же масти покинули своих кавалеров и направились следом за нами. При этом их спутники продолжили сидеть за столами с каким-то отрешенным видом.

Далеко идти не пришлось – всего лишь до парковки у ресторана. Там обнаружилась спортивная машина, возле которой стояла блондинка, но внутри никого не было видно. Впрочем, загадка решилась быстро. Блондинка подошла к багажнику и открыла его.

Однако.

– Зачем так? – поделила мое удивление Всеслава.

– Вот еще, буду я эту замарашку в салон пускать, – капризно и брезгливо искривила губы блондинка.

В чем-то она была права – обитательница багажника выглядела не очень презентабельно. Мало того что где-то испачкала и одежду, и лицо, так еще и с возрастом были проблемы. В багажнике, сжавшись комочком и мелко дрожа, лежала седая как лунь, морщинистая старуха. Немного смутил ее наряд. В таком возрасте подобное не носят.

– Не нравится? – испытующе глядя на меня, спросила Всеслава.

Я задумался и поймал себя на мысли, что вариант не так уж плох. Вот если бы Всеслава предложила себя, стоило бы отказаться. Пожалуй, среди всего представленного разнообразия этот вариант выглядел самым безобидным. Правда, не факт, что от него будет польза.

– А она сможет сварить нужные зелья?

– Даже лучше, чем я, – нахваливала товар ведьма.

Я почувствовал себя почти рабовладельцем. Впрочем, передо мной явно непростая обывательница. Судя по всему, она в чем-то провинилась перед коллегами.

– Хорошо, другой вопрос. Она, часом, не помрет? Судя по виду, ей недолго осталось.

– Не беспокойтесь, Алексей, Рута еще вас переживет – конечно, если я этого захочу. Оклемается и будет как огурчик.

Мне кажется, или ведьма говорила это совсем не мне?

Ситуация еще та. Где-то на краю сознания ворочались сомнения – вдруг это вообще какая-то левая старуха, фигурирующая в уголовном деле о похищении, и сейчас мне просто предлагают токсичную пустышку? С другой стороны, если бы ведьма решила кинуть меня на безант, то в ее колоде имеются оставшиеся в ресторане мужики. Они вполне способны силой отобрать амулет, а уж затем меня действительно выпотрошат как рыбу. Причем буквально. Оставалось надеяться на созданный мной флер опасной загадочности да парочку духов. Так что Красного я продемонстрировал не напрасно. А еще у меня была полная уверенность, что если откажусь, эту старуху прямо отсюда отвезут в лес и прикопают. Нет, жалость не стала основным фактором, но все же упала в копилку решения к остальным доводам.

– Ладно. Ваши условия? – Отбросив лишние сомнения, я сосредоточился на деле.

– Три месяца за три безанта.

– Два безанта за полгода, – тут же парировал я. – Один сейчас, второй в конце – и то если ваша травница окажется полезной. Поторговаться мы можем только по поводу сроков. У меня этих безантов не мешок лежит. К тому же товарный вид у вашей подруги так себе.

Я постарался все человеческое в себе распахнуть по темным углам души и максимально выпятить цинизм. С такими особами иначе разговаривать опасно.

– Хорошо, пусть будет так. Два безанта и четыре месяца. День в день, – кивнула Всеслава. Причем торговалась она явно для виду, что тоже напрягало.

Я явно где-то чего-то не учел.

– Куда вам доставить покупку? – спросила ведьма и снова с хитринкой в глазах.

Ей явно нравилось дразнить меня.

– Никуда. Посадите вон на ту лавочку, – попросил я и достал из кармана драконий безант. Перебрасывая монету ведьме, добавил: – И не нужно следить за мной. Не омрачайте так хорошо начавшееся сотрудничество.

В ответ Всеслава задорно рассмеялась. Понять бы еще, над чем именно...

Помощницы старшей ведьмы довольно грубо извлекли старуху из багажника, правда не усадили на лавочку, а прислонили к растущему рядом дереву. Потрепанная ведьма с непонятным статусом обхватила ствол клена, как родного батюшку.

После Всеслава с присными веселой и нарочито беззаботной компанией вернулись в ресторан, а я вызвал такси. Мы были в центре города, так что долго ждать не пришлось. Теперь помогать этой старухе придется мне. Впрочем, когда приехало такси, она уже не выглядела так беспомощно, как раньше. Не удивлюсь, если как-то подействовали обнимашки с деревом. Она же все-таки травница. Это если меня не развели как последнего лоха.

На заднее сиденье машины ведьма села сама. Мне лишь пришлось открыть для нее дверь. Такси шустро доставило нас по указанному адресу на окраине города и тормознуло рядом с автобусной остановкой. Все время поездки водитель бросал на меня настороженные взгляды через зеркало. А я с аналогичным настроением постоянно оборачивался и смотрел, нет ли за нами хвоста.

Получив плату, таксист с явным облегчением уехал обратно. Я же замер рядом с устало присевшей на лавочку женщиной и прислушивался к ночному окружению. Темно. Людей не видно. В кроне стоявшего неподалеку дерева шумел ветер. Вдали лаяли собаки. Вроде ничего подозрительного, но все же стоит подстраховаться. Достав флакон с Шалуном, я нажал на клапан и тихо сказал:

– Шалун, фас.

Надежда на то, что Марина правильно проинструктировала духа, полностью оправдалась. Вылетевшая из флакона едва заметная в свете уличного фонаря дымка тут же метнулась к

кроне дерева. Оттуда послышался шум загрохотавших крыльев и возмущенное карканье. Ворона, вылетевшая из переплетения ветвей и листьев как из пушки, истошно каркая, унеслась прочь. Я же снова нажал на клапан и шепнул:

– Шалун, домой.

Пришлось немного подождать. Дух вернулся через пару минут.

– Вот теперь и нам пора домой, – тихо сказал я.

Во все еще немного мутных глазах седой ведьмы появилась искорка интереса. Припарковавшийся на другом конце улицы Никита после моего звонка шустро подкатил к остановке и подобрал нас.

Через два часа быстрой езды сначала по ночной трассе, а затем по абсолютно безлюдной проселочной дороге, мы, не останавливаясь в Сосновке, добрались до Нижнего поселка. Там уже ждала Вера Ильинична с одеждой для новой то ли гостьи, то ли рабыни.

– Помогите ей переодеться. Старую одежду в огонь, – попросил я врача и повернулся к возникшему рядом Колывану. – Проследи, чтобы не осталось какой-нибудь дряни.

– Сделаю, хозяин, – серьезно кивнул домовый и растаял в тенях.

Я же устало вздохнул и, прихватив с собой Никиту, отправился наверх. Все дела отложим на завтра, уж очень странным и утомительным был этот день. Сейчас сходим с другом в баньку, чуток примем на грудь для снятия стресса, и спать.

Глава 3

И все же сделка с ведьмой оказалась относительно честной. Насколько относительно – покажет будущее. С утра подневольная травница ожила и даже немного помолодела, хотя ее волосы оставались полностью седыми. К тому же она явно горела желанием сотрудничать. Может, это притворство, но, скорее всего, боялась, что я передумаю и отправлю ее обратно к подружкам. Было жуть как интересно, что же она не поделила со Всеславой, но в душу Руте я лезть не стал. Мне она нужна для другого.

Увы, как только травница оклемалась, полезли проблемы. Оказывается, для работы ей много чего нужно. Достать необходимое можно было и в нашем райцентре да пробежавшись по окрестному лесу с заходом в болото, но это дополнительные траты и заботы, так что настроение у меня подувало. Зато, когда через три дня Рута сварила первое зелье, я снова приободрился. Она продолжала молодеть, подолгу гуляя по подконтрольному Добрыне участку леса и обнимаясь с дубами. Лешему это не понравилось, как и вообще появление у нас ведьмы, но в наши дела он не лез, лишь высказал Колывану свое недовольство.

Попавший к нам накануне мальчик с какой-то заковыристой болячкой, угнетавшей его легкие, был излечен всего за пару сеансов стараниями Алины и Руты. А ведь обычные доктора уже три года терзали ребенка разными лекарствами, не особо понимая, что с ним происходит. Рута походила вокруг больного ребенка, принялась к нему и попросила у нас пару капель крови больного. Вера Ильинична долго расспрашивала ведьму о том, как та ставит диагноз, но Рута лишь пожимала плечами и говорила, что просто чувствует, какой именно состав нужен в данном случае, но должен быть сварен с применением крови больного. Мать мальчика была в ужасе от хоть и одетой во врачебный халат, но совершенно дикой с виду женщины, творящей с сыном непонятно что. Впрочем, эта семья уже дошла до крайней степени отчаяния и была готова на все.

Алину исцеление хоть и измотало, но она сразу сказала, что зелье очень помогло. Да и тайные наблюдения за ведьмой дали кое-какие результаты. Я не особо понимал медицинские нюансы, как и вообще то, о чем говорили на совместных занятиях по развитию магических способностей мои подопечные. И не потому, что мне не интересно. Наоборот – честно пытался разобраться, но лишь все больше чувствовал себя профаном. Ребята сами выдумывали какие-то термины, скорее всего почерпнутые из фэнтезийных книг и фильмов, которые я если и смотрел, то явно недостаточно внимательно. В общем, со временем не то чтобы махнул рукой, просто основное внимание перенес на свои главные обязанности. А это защита детей, порой от них же самих.

– Алексей Степанович, ну как вы не понимаете, – не унималась Алина, – мне недостаточно просто приглядывать за ней издалека. Нужно быть рядом, чувствовать, что она делает, особенно когда придет время сажать семена и воровать над ростками.

– Алина, – вздохнул я, понимая, что придется уступить, но не без боя же, – это – ведьма, и чего от нее ждать, мы не знаем. Видела бы ты ее подружек. Кикимора подбробнее будет.

Детей я к болоту пока не подпускал, даже Мару, но о личном опыте общения с болотной хозяйкой рассказывал подробно.

– Мне кажется, что вы ошибаетесь, – упрямо мотнула головой девочка. – Добрыня еще ни разу не ловил ее на вранье.

В чем-то она права. Рута, уверяя нас в своей безвредности и полезности, не врала, но это не показатель. Дух-хранитель хоть и чувствует чужие эмоции, но не факт, что абсолютно все, да и читать мысли он не умеет.

– Алина, лучше я ошибусь, считая хорошую ведьму плохой, чем наоборот. Я понимаю твои резоны, но хочу, чтобы ты была максимально осторожна. Она нам не друг. К тому же

через четыре месяца вернется к своим, и тогда ее знания о нас станут крайне опасными. Так что результаты нашего лечения ей не показывать, – чуть повернув голову, сказал я скорее для Веры Ильиничны, затем снова обратился к Алине. – А ты должна выглядеть как простая ученица ведьмы. И не вздумай никого лечить при ней, тем более ее саму, а то я видел, как жалостливо ты смотришь на Руту. Сама же видишь, что с каждым днем ей становится лучше и без твоей сардобольности. Эта ведьма не должна знать о твоих способностях. Ты меня поняла?

Алина уныло кивнула в ответ. Судя по всему, она собиралась подлечить все еще болезненно выглядевшую женщину, как только познакомится с ней поближе.

– Скажи, пожалуйста, это словами, – мягко, но настойчиво попросил я.

– Я не стану ее лечить, но, Алексей Степанович, она же не дурочка и поймет, что я не просто ученица ведьмы.

– Алина, есть существенная разница между неприятностями, происходящими по причине не зависящих от нашей воли обстоятельств, и проблемами, которые мы создаем сами, причем осознанно. Первых чаще всего избежать нельзя, а вот вторые вполне можно предотвратить простой осторожностью. Пойми, мы и так сильно рискуем.

– А нельзя вообще оставить Руту с нами? – с детской надеждой в глазах спросила юная целительница.

– Очень сомневаюсь, что это возможно.

И тут тоже проблема. Так сказать, одолженная ведьма явно ставила перед собой задачу очаровать всех вокруг. Причем упирала на жалость, но при этом ни Добрыня, ни Колыван не замечали, чтобы Рута была неискренней в своих словах и эмоциях. Возможно, я совершил ошибку, притащив ее сюда, несмотря на уже очевидную пользу этого решения. Но тут уж ничего не поделаешь, так что можно лишь минимизировать ущерб.

Сегодня решил пообедать в Нижнем. Не то чтобы, спустившись по лестнице, я оказывался в каком-то другом мире, но разница чувствовалась. Словно выходил из сказки в реальность – и дело даже не в архитектуре, а в общей атмосфере. В Нижнем стройка проходила интенсивнее, чем наверху, где почти все уже закончили. Это если не случится серьезного прибавления. Уж тогда строительный бедлам вернется с новой силой.

Кстати, мамаша Алины зря поторопилась. Судя по напору Саниной бригады, которая практически прописалась у нас, скоро условия жизни в Нижнем будут не хуже, чем в основной усадьбе. Рядом со старым помещением для больных заканчивали возводить новое, хоть и такое же панельное, но с серьезным утеплением. Не думаю, что нам удастся закрыть лечебницу на зиму. Так что мы готовились.

Домик для Веры Ильиничны был установлен почти одновременно с домиками наверху, правда выглядел не так красочно. А вот ведьму мы поселили, так сказать, на отшибе, причем в сакральном для меня строении. Под раскидистым дубом стоял отремонтированный вагончик-бытовка, в котором я провел столько памятных, но не самых приятных ночей. Подпускать ведьму к обитателям Нижнего, как постоянным, так и временным, я запретил. Она лишь раз посетила больного мальчика для определения состава лечебного зелья. Еду травнице носила Вера Ильинична.

Особенно я ограничил ее допуск к летней кухне, где приезжающая на рабочий день повара с помощью женщин, сопровождавших больных детей, готовила еду на всех. Даже наблюдателя выставил – невидимого и очень дотошного. Колыван сейчас только ведьмой и занимался, дополняя общий присмотр Добрыни. Домовому временное переселение в вагончик не понравилось, но он понимал важность своей миссии.

Зайдя на кухню, я прихватил специальный, похожий на мелкий ящик поднос с мисками и кружками. Питалась травница прямо у вагончика, пользуясь памятным, подаренным Никитой раскладным мебельным набором. Так что нашелся стульчик и для меня. Рута, одетая в женский

бытовой халат, встретила меня настороженно, но постаралась выказать радушие, хоть и не без иронии:

– Рада, что вы не боитесь разделить со мной пищу.

– А с чего ему тревожиться? – тут же донесся скрипучий голос из открытой двери вагончика. – Я за тобой слежу, ведьма.

– Как же он мне надоел, – горестно вздохнула Рута.

Я улыбнулся и, поставив поднос на стол, спросил:

– Хотите сказать, что нынешние условия жизни у вас хуже, чем раньше?

– Ну уж нет, – явно не напоказ перевернула плечами женщина.

За несколько проведенных в Нижнем дней она словно сбросила с себя несколько десятков лет. Теперь это уже не та морщинистая старуха, которую я увидел в багажнике машины. Сейчас ей можно дать максимум полтинник. И что-то мне подсказывает, что это не предел. Как бы впоследствии Рута не оказалась моложе меня, хоть и только внешне. Кто их знает, этих ведьм. Всеславе точно за сотню, если не больше.

– Тогда не жалуйтесь, – не то чтобы с угрозой, но для порядка сказал я. – Если есть серьезные жалобы, то мы можем их обговорить.

– Что вы, Алексей Степанович! Какие жалобы? Нормальное жилье. Хотя чувствовать себя словно прокаженной не очень приятно. Вон даже туалет мне отдельный сделали.

– Это на испытательный срок. Доверие нужно заслужить. Есть у меня подозрение, что Всеслава тиранила вас неспроста, и на то была очень весомая причина.

– Была, – сразу, без паузы согласилась Рута, хотя я думал, что будет отпираться и юлить. – Я хотела убить ее. Жаль, не получилось.

– О как! – удивился я откровениям ведьмы.

– Вы не понимаете, что значит быть ведомой ведьмой. Это хуже рабства. Я ей практически душу продала, хоть и не понимала тогда, что творила, дура малолетняя.

Жалуясь, Рута не забывала накрывать неказистый стол, за который мы и уселись на низковатых раскладных стульчиках.

Получать информацию о внутренней жизни ведьм было интересно, но сейчас меня явно втягивали в мелодраматический сюжет, чтобы размягчить. Впрочем, разойтись ей не дали:

– Кончай слезу из хозяина давить! – снова послышалось из внутренней тени вагончика. – Душа у тебя черной была еще до того, как ты стала ведьмой. Мыслишь, я не ведаю, как вы к этому приходите?

– Да что ты знаешь, домовик?! – внезапно разозлилась Рута. – Я всего лишь травница и наговоров власти и кривды не знаю. Всеслава специально готовила меня как служку, а теперь вот за вами шпионить отрядила.

– Похвальное откровение, – высказался я с нескрываемой иронией, попробовав грибной суп, оказавшийся очень вкусным.

Не сказать что Лена готовила хуже, но пообщаться с поварихой ей стоит.

– А то вы сами не поняли, – хмыкнула ведьма, тоже взявшись за ложку.

Мы некоторое время ели молча, присматриваясь друг к другу. Перейдя к котлете с пюрешкой, ведьма не выдержала:

– Алексей Степанович, вы же сюда не трапезничать со мной спустились с барских высот.

Я посмотрел на женщину с нехорошим прищуром, но она сама уже поняла, что сказала лишнего. Впрочем, чему удивляться? Я сам бы изнывал от любопытства, гадая, что же там находится, за таинственной лестницей. Нижний изначально задумывался, чтобы оградить Добробор от лишних глаз. Нужно было организовать поселение дальше по дороге. Кстати...

Мне в голову пришла неожиданная мысль. А что, если сделать развилку в километре отсюда и провести от нее еще одну дорогу к эдакому хутору, из которого не будет видно ни лестницы, ни Нижнего. Там можно встречать не очень званных гостей. Нужно обсудить с Саней.

Он, помнится, говорил, что самый простой и быстрый вариант застройки, особенно для подсобных помещений, это разбор старых срубов в селе и перенос их на новое место. Но очень уж неказисто выглядели заброшенные избы, хотя для фальшивой псевдоколдовской деревни подойдут идеально.

– Рута, – строго сказал я женщине, которая не хотела, чтобы к ней обращались как-то иначе, – спустился я действительно не просто так, а чтобы предупредить. Сегодня заканчивается, так сказать, первый этап испытательного срока. Пришло время знакомиться с девочкой, которую вы будете обучать травничеству и зельеварению. Ради этого я и выкупил вас. Но сразу хочу предупредить. Если когда-нибудь вы станете причиной даже малейших неприятностей для девочки, я найду вас и убью. Не так болезненно, как Всеслава, но это случится неизбежно.

Я старался говорить убедительно, хоть и самого корбило от какого-то приклатненного пафоса, да еще и Колыван нагнетал обстановку. Причем буквально. Окружающее вагончик пространство непонятным образом потемнело. Впрочем, он же и испортил представление.

– Не думай, что хозяин шутит, тварь! – замогильным голосом вещал из вагончика домовый. – Найдет и изничтожит!

Еще б зловеще захохотал, придурок. Хотя, судя по тому, как побледнела ведьма, возможно, мне ситуация казалась карикатурной лишь благодаря опыту общения с домовым и защитному амулету.

– Колыван, уймись, – строго приказал я, и давящая атмосфера развеялась. – В общем, Рута, старайтесь вести себя сдержанно. Не задавайте лишних вопросов ни девочке, ни даже самой себе. Надеюсь, вы меня поняли?

– Я все поняла, Алексей Степанович. Клянусь, от меня ученице не будет никакого вреда, но власть Всеславы надо мной слишком велика, – с, казалось бы, искренним сожалением вздохнула ведьма.

– Не зазывайте ее ученицей.

– Простите, – покаянно наклонила голову Рута, чем заставила меня нервничать еще больше.

Добрыня подтверждал искренность выражаемых ею чувств. Да и Колыван не смолчал бы, учуяв фальшь.

Я не смог отказать себе в удовольствии и доел второе, запив малиновым компотом. А затем ушел наверх, готовить ко встрече Алину:

– Ничего ей не говори. Не задавай вопросов...

– Ну а если...

– Алина, давай сегодня без всяких «если». Просто смотри и учись. Сделай вид, что ты вообще нема. – Поняв, что перегнул палку, я вздохнул. – Прости, что-то я разнервничался.

Показывать девочке свое волнение не очень правильно, но сейчас она должна прочувствовать важность момента, так что мои откровения пойдут на пользу.

В принципе, мы уже все обговорили, так что я готовил больше себя, чем ее. Знакомство решили провести там же, у вагончика, чтобы без лишних свидетелей. И правильно сделали. Как только мы приблизились к замершей ведьме, вся наша конспирация и подготовка полетели к чертям.

– Жива! – выдохнула Рута и рухнула на колени, уткнувшись лбом в траву, аки взывающий к Аллаху мусульманин.

Да чтоб вас всех! Сговорились, что ли?!

Чуть отойдя от шока, я перевел взгляд на Алину, которая тоже ничего не понимала. Замешательство было коротким, и я тут же взял себя в руки:

– Рута, вы что творите? Какая Жива? Встаньте немедленно!

Мой, возможно, немного более жесткий, чем следовало, окрик отрезвил женщину. Она все же поднялась на ноги, но было видно, что травницу все еще потряхивает.

– Объяснитесь. Что это за выходка? – в том же тоне потребовал я.

– Н-не знаю, – немного заикаясь, ответила женщина.

– Мы с вами договорились, что хранить вы можете только сокровенные тайны Всеславы. Что значит не знаете?

– То и значит, что не знаю! – вскинулась Рута, окончательно стряхивая с себя наваждение. Прижав руку к середине груди, она добавила: – Вот тут что-то стиснуло, и я вдруг поняла, что предо мной богиня.

– Почему Жива? – все же дал я волю своему любопытству.

– Сейчас не знаю, но тогда словно озарение случилось. Вот и выпалила, – ведьма дернула головой, словно пытаясь разогнать навязчивые мысли. – А кто она такая?

– Рута, – крайне холодным, намеренно угрожающим тоном сказал я, – помните, что я говорил о вопросах?

– Простите, – с напрочь фальшивым покаяниемотреагировала ведьма, продолжая пожимать глазами Алину.

– Хватит на нее пялиться. Давайте займемся делом. У вас все готово для приготовления зелья для номера пять? – спросил я.

В присутствии травницы мы называли больных детей только номерами занимаемых ими отсеков. На этом настаивали и Баюн, и Колыван. Незачем, мол, ведьме лишняя информация. И я с ними был полностью согласен.

– Да, готово. Можно идти, – сказала травница и поклонилась, причем не мне, а Алине. – Как я могу обращаться к вам, госпожа?

Вот зараза! На ходу подметки рвет.

– Как начали, так и обращайтесь. И на «ты», пожалуйста. У нас так принято.

У меня голова кругом шла от всех этих непоняток, и я постоянно боялся наделать ошибок. Поэтому там, где возникала неопределенность, опирался на уже готовые костыли. К примеру, школьную практику, где взрослые обращаются к детям на «ты». Моим ученикам еще предстоит пройти испытание медными трубами, так пусть это случится, когда их психика хоть немного окрепнет. А вот насчет огня и воды, боюсь, фора нам не светит. В общем, незачем раздувать самомнение юных магов. У них и так от ощущения собственной исключительности порой крышу сносит.

Ведьма явно поняла, на что я намекаю, и быстро исправилась:

– Идем, Жива, я покажу тебе, как у меня все устроено.

Конечно, я не собирался оставлять их наедине, даже под присмотром Колывана. По крайней мере, первое время. Так что пошел следом к небольшому навесу, приткнувшемуся прямо к стволу дуба. Как и прочие в этих местах, дерево было относительно молодым. Зато рядом имелся монументальный пенёк давно погибшего великана. Его Рута и выбрала в качестве стола для приготовления зелий. Было не очень удобно – слишком низко, но Руту это не остановило. Она вынула из прогнившего места труху и засыпала мелкими камешками. Там и был устроен очаг, над которым висел медный котелок. Для покупки этой странной посуды пришлось обращаться к антиквару Кацу. Остальное, к счастью, удалось достать без особых усилий и затрат. Рядом с очагом на том же пне был оборудован деревянный столик, который, учитывая высоту пня, был удобен для работы стоя. На столике и находилась основная масса ингредиентов – разные травы, склянки с жидкостями, ступка и большая медная поварешка.

Ну а дальше началось действо, в котором я мало что понял, хоть и пытался разобраться. Рута слегка заискивающим и обаятельным голосом подробно объясняла свои действия Алине. Временами уточняла, все ли девочке понятно, получая в ответ простой кивок. Об этом мы договорились заранее. Было видно, что у юной целительницы имеются вопросы, но каждый раз, поворачиваясь ко мне, она видела отрицательное покачивание головы и нахмуренные брови. Особенно тяжело девочке пришлось, когда Рута начала варить зелье. Ведьма, раскачиваясь и

водя руками над котелком, что-то напевала. Глаза Алины заблестели, и вопросы наверняка перли наружу с дурной силой. Хорошо, что моего авторитета пока хватало.

Когда все закончилось, я попросил Руту перелить готовое зелье в удобную посуду, а затем, к жгучему разочарованию ведьмы, мы с Алиной ушли к больной девочке Свете, скрывавшейся под номером пять.

Юная целительница от восторга аж подпрыгивала:

– Алексей Степанович, там такое было!

– Алина, поверь, мне очень интересно, но давай сначала поможем Свете, а затем ты все расскажешь, но уже в присутствии одноклассников и Филиппа Филипповича. Ну, чтобы не повторять все дважды.

Девочка нахмурилась, но, осознав мою правоту, согласно кивнула. Я специально сдержал детский порыв, чтобы у нее было время на анализ увиденного. И вообще, нам нужен мозговой штурм, для которого моих бездарных мозгов точно не хватит.

Конечно, неправильно называть себя бездарью даже мысленно, но вполне справедливая характеристика Колывана прицепилась как банный лист. Нужно обговорить все с Зинаидой Захаровной. Для полного счастья мне только ревности к одаренности собственных учеников не хватало.

Процесс лечения семилетней девочки прошел ожидаемо успешно, и это притом что Рута жаловалась на слабость трав. Сильные она обещала вырастить позже. В общем, уже завтра Света уедет домой с рекомендациями Веры Ильиничны и набором поддерживающих зелий от Руты. Ну а мы с Алиной, которую распирало от избытка рвущихся наружу новостей, направились к месту, где обычно ведутся научно-магические диспуты. Благодаря лету и хорошей погоде заседания кружка юных волшебников проходили рядом с площадкой для магических занятий. Там мы оборудовали еще одно место под кострище с удобными скамейками и даже особым лежаком для кота. Наконец-то, когда трое учеников, Баюн и мы с любопытной Леной расселись по лавкам, Алина начала свой, так сказать, отчетный рассказ.

– Там такое было! – с горящими глазами почти прокричала девочка. – Я же раньше пробовала читать все эти наговоры. Филипп Филиппович все верно говорил, и Рута читала то же, что и я. Буковка в буковку!

В пылу эмоций девочка не совсем вежливо ткнула пальцем в Баюна, но развалившийся на своем любимом месте кот лишь довольно жмурился.

– Как только Рута начала наговор, по ее ауре поползли зелено-черные нити, сплетаясь в красивый узор. По ним пробежала зеленая энергия и полилась через пальцы в котел. Но как! Я ведь тоже пробовала. Даже наши с Верой Ильиничной отвары напиткивала силой, но эффект был лишь общеукрепляющий и на больные органы почти не влиял.

Для одиннадцатилетней девочки слова были мудреные, но я видел, что мои воспитанники взрослеют необычайно быстро. К тому же Алина успела нахвататься медицинских терминов у своей наставницы-педиатра.

– Я не понимаю, что это за узоры, а Алексей Степанович запретил спрашивать, – с упреком заявила девочка.

Хорошо хоть пальцем не ткнула, для пущей ясности.

– Запретил, – с доброй и спокойной улыбкой отреагировал я. – Мы и так опростоволошились. Думаешь, ведьме нужно знать о том, что ты можешь видеть ее силу? К тому же я подозреваю, что она и сама не знает, что это за сеть.

– Алексей Степанович прав, – мурлыкающим голосом заявил Баюн. Он может разговаривать нормально, но для детей немного лицедействует. – Память моих предков говорит, что ведьмы получают силу во время сложных ритуалов, суть которых им неизвестна. И ни разу не было, чтобы они упоминали о каких-то там зелено-черных узорах в своей ауре.

Блин, вот умеет котяра читать лекции. У меня так, увы, не получается. Да и внешностью в плане экзотики я недоотягиваю до этого буквально сказочного персонажа. Впрочем, и не пытаюсь. У меня другая задача. На этих собраниях я в основном борюсь с эффектом Даннинга-Крюгера – мнимой недооценкой или переоценкой компетентности. А в нашем случае этот самый нехороший эффект цветет буйным цветом. Дети, с одной стороны, понимают то, что ничего не понимают, и это угнетает их. С другой – осознают свою исключительность, а также определенную ограниченность опекающих их взрослых. Я сам, мысленно называя себя бездарью, подвергаюсь этому когнитивному искажению. Приходится постоянно одергивать себя тем, что даже полное отсутствие магических способностей не делает меня бесполезным на подобных совещаниях. Ведь у меня имеется жизненный опыт, критическое мышление, да и, черт возьми, интуиция! А она – почти магическая способность. В общем, с эффектом Даннинга-Крюгера мы боролись совместно.

– Раз уж уважаемый профессор согласен со мной, мы по-прежнему будем осторожны в общении с ведьмой.

Ну не получается у меня называть кота профессором с полной серьезностью. Отчего Баюн недобро прищурился, но вместо отповеди решил сделать вполне разумное замечание:

– Алексей Степанович, я бы не стал называть Руту ведьмой. Судя по всему, она просто травница и зельеварка. Мои предки помнили случаи, когда для подготовки узкопрофильной мастерицы по целебным составам и ядам претендентку не проводили через часть ритуалов. Получается неполноценная ведьма, не способная ни проклясть, ни глаза отвести. Похоже, такую ущербную нам и подсунули. Хотя для нашей Живы это хорошо.

– Поясни, – сбился я с официального тона.

– Сила чистой травницы не запачкана, ну, почти не запачкана порчей, – начал растолковывать Баюн, а я лишь едва заметно улыбнулся тому, что меня уже давно не удивляют поучения кота. – Значит, Живе будет легче разобраться.

– Возможно, – задумчиво сказал я, потом окинул взглядом всех детей.

Женька слушал Алину практически с открытым ртом, но тут ничего удивительного – он от природы любопытный парень, к тому же, как мне кажется, у него зарождается первая детская любовь к целительнице. А вот с Мариной проблемы. Не то чтобы я подозревал какую-то ревность, но она все больше отдалялась от спевшейся парочки. Да и сейчас слушала юную целительницу отстраненно, явно не особо интересуясь темой обсуждения. С этим надо что-то делать.

– Так, юные маги, вот вам домашнее задание – Алина, постарайся вспомнить и максимально подробно описать ребятам все, что видела. Попробуй нарисовать те странные узоры. И пора начинать учить одноклассников целительству.

Как я и предполагал, реакция оказалась разнообразной и далекой от энтузиазма. Алина растерянно подняла брови, явно не понимая, как ей подступиться к заданию. Женька сморщился, выказывая нежелание заниматься, как ему кажется, девчачьим делом, а Марина скрестила руки на груди и смотрела в сторону. Я давно заметил какое-то инстинктивное неприятие учеников тех направлений магии, в которых они не сильны, а это неправильно. Точнее, так мне кажется. Увы, составляя мнение, приходится опираться исключительно на интуицию. Ее ценность не раз подтверждалась практикой, но она все еще крайне сомнительна. А вот в чем я не сомневаюсь, так это в полезности коллективной работы. Вот прямо пятой точкой чувствую, что в будущем главной проблемой магов станет именно их разобщенность. Так что будем бороться с этим делом, так сказать, с молодых ногтей.

– Да, я понимаю, что у вас плохо получается то, что не является вашим профилем. Но ведь Алина смогла зажечь огонек, значит, и Пламен сможет научиться лечить. Думаю, никто не станет спорить, что такое умение пригодится во взрослой жизни. Ну а к тебе, Марина, у

меня будет особая просьба. Меня очень смущает черный цвет в узорах на ведьме. Не уверен, что это именно твоя специализация, но вряд ли Алина сможет разобраться без твоей помощи.

Манипуляция примитивная, и она бы не сработала, будь у юной целительницы такой же вздорный характер, как у одноклассницы, но светлее ребенка я в жизни не встречал, да и с сообразительностью у девочки все в порядке. Я едва сдержал улыбку, когда увидел умильно-просящий взгляд Алины, хоть и не разбивший корку отчуждения хозяйки духов, но образовавший в ней изрядную трещину.

Рисовать здесь было нечем, так что дети убежали в гостиную главного дома, которая считалась у них нейтральной территорией. Я же немного посидел, глядя на пепел кострища, затем поднялся и двинулся вдоль берега озера. Нужно было о многом подумать. Меня не отпускало ощущение какой-то неправильности в собственных действиях. Вроде нужно радоваться. Не факт, что Алина даже с помощью зелий Руты справится с болезнью ребенка влиятельной дамы, но теперь шансы резко увеличились. Вопрос в другом. Нужно ли вообще затевать историю с легализацией семейного детского дома? Обычных проверяющих сюда можно просто не пустить. Как и милицию. Мать Алины рано или поздно успокоится. А прикрывая себя формальным статусом, мы выпускаем наружу слишком много информации. Может, вместо этого усилить оборону и максимально отрезать Добробор от внешнего мира? Тут же вспомнилась идея с хутором. Ее нужно развить. А с влиятельной дамой мы все же встретимся. Будет кому позвонить в случае чего, да и отказывать больному ребенку, даже не попытавшись помочь, как-то неправильно, коль уж нам стало о нем известно.

Не знаю, как в плане бесконечного созерцания, а вот думалось, глядя на водную рябь, легко и продуктивно. Вырисовывался интересный план, но его еще нужно обсудить с Колываном. Тут без помощи лешего не обойтись, а у домового с ним налажен неплохой контакт.

Глава 4

Переговоры с лешим прошли вполне успешно, но пришлось поторговаться. Хозяин леса требовал от меня третий желудь для создания полноценного дубового треугольника в сердце своих владений, и я пообещал попробовать его отыскать. Именно попробовать, а не найти, и пообещал, а не поклялся. На этом особо настаивал ведущий переговоры Колыван. А все потому, что ни домовый, ни Баюн понятия не имели, где взять искомое. Мои предположения насчет саморазвития рощи особых дубов подтвердились, но с небольшой такой оговоркой. Чтобы породить особый желудь, дубу нужно расти лет сто, а то и больше. Так что самостоятельно в полную силу роща войдет очень нескоро. Ну ничего, новые знания валятся на меня с пугающей скоростью и постоянством, грозя свести с ума. Поэтому я не сомневаюсь, что рано или поздно мы узнаем, где найти этот особый желудь. Зато в ответ на почти пустые обещания леший согласился помочь в нашем деле. А без него тут не обойтись.

Самым простым было согласовать с бригадой плотников Сани план переноса нескольких изб почти на границу влияния Добрыни, подальше от Нижнего. Бригадир выглядел немного рассеянным, но дел у меня было неспорно, так что я не стал лезть ему в душу. Главное, что задачу он понял и обещал сделать все как надо. Никита с еще одной бригадой занялись прокладкой кружной дороги от Сосновки к нашему поселению. Путь удлинился как бы не вдвое и прошел по сложным местам. Что же касается лешего, то он взялся вырастить и на старой дороге, и в окрестностях Добробора массивные заросли орешника и других кустов. В общем, теперь добраться до нас не так-то просто.

Глушить моторы, как это делал Добрыня, леший не мог. Он вообще с железом не дружил. Но при нужде был способен поднять деревянные шипы в траве, пробивая шины незванным гостям. А еще сделать непроходимыми парочку оврагов, через которые шла новая дорога. И уж если гости решат продолжить путь пешком, то хозяин леса проведет для них очень увлекательную экскурсию через лес в болото к своей подружке – возможно, в один конец.

От стратегического планирования пришлось отвлечься, потому что, несмотря на каникулы, процесс бурной жизнедеятельности в Доброборе не останавливался ни на секунду. Попытки нарисовать странную сеть, окутывавшую ведьму, точнее ее отблески, которые уловила Алина, закончились ссорой между девочками. Психанула, конечно же, Марина. Не понимая пояснений одноклассницы, которые действительно были мутноватыми, девочка захотела посмотреть все сама, но вмешались срочно вызванный Добрыней Колыван и находившаяся на месте Лена. Их авторитета хватило лишь на то, чтобы притормозить порыв хозяйки духов, а затем подрос я. Характер у Мары непростой, особенно она не любит, когда ей перечат те, чьей хозяйкой она вроде должна быть. Вот и пришлось влезать в ссору Колывана и юной волшебницы.

Когда, запыхавшись, я прибежал из Нижнего, то увидел, как стиснувшая от злости кулачки Марина топнула ногой, и домового словно ветром сдуло. Буквально. Может, его не просто унесло, а вообще развеяло бы от гнева хозяйки духов, но у нашего, можно сказать, завхоза, имелись крепкие тылы в виде вездесущего Добрыни. Колыван тут же снова сплелся из теней пристройки, но кидаться на Марину не стал, а замер, скрестив руки и горделиво задрал бороду. Это он меня увидел и решил, что свою задачу выполнил, так что можно больше не нарываться на неприятности. Силы девочки росли, и духам все сложнее становилось сопротивляться ее наездам.

– Что здесь происходит? – стараясь выровнять дыхание, строго спросил я.

Причем постарался разделить строгость на два фронта, якобы занимая нейтральную позицию. Добрыня уже, как мог, донес до меня намерение Мары прямо сейчас пойти и изучить ведьму лично, но сразу примыкать к стороне, которую она считает враждебной, явно не стоило.

– Она нарушает твои правила! – с какой-то детской обидой заявил домовый, ткнув пальцем в сторону ребенка.

Вот недоразумение бородатое! Он даже не попытался подыграть. Ладно, сам виноват. Перевести сейчас вопрошающий взгляд на Марину – значит встать на неправильную в ее понимании сторону, так что я продолжал смотреть на домового:

– Какие именно правила?

– Э-э... дык... – завис Колыван, явно не понимая сути моей претензии.

Наверняка потом обидится, но ничего, объясню и разложу по полочкам. Он хоть и ненастоящий, но все же дядька с пониманием.

А вот теперь можно посмотреть на девочку:

– Марина, о чем он?

Бинго! Вместо упрямого отторжения и нежелания что-либо объяснить – легкая растерянность:

– Я хотела сама посмотреть на ведьму, потому что Алинка ничего нормально рассказать не может.

– Марина, – по-доброму и с нотками обреченности вздохнул я. – Мы об этом уже говорили. Тебе ведь не нравится, когда тебя называют Маринкой.

Девочка не ответила, но все и так было понятно по ее лицу.

– Самый простой, хоть и не самый быстрый способ добиться желаемого – это самой поступать правильно. И что именно тебе не смогла объяснить Алина? – резко перепрыгнул я с наруга на прежнюю тему, всем своим видом выказывая заинтересованность.

По моему личному, возможно ошибочному мнению, одна из главных ошибок не только родителей, но и учителей – это долгие нотации. От этого дети уходят в глухую защиту и вообще перестают слушать. Я предпочитаю действовать по-другому: обозначить проблему, разобрать ее достаточно подробно, при этом быстро и без лишних эмоций. Затем описать перспективы и сразу же закрыть вопрос.

– Ну, – окончательно растеряла воинственный настрой девочка, – я просто хотела посмотреть сама.

– Разумная идея, – серьезно кивнул я, чем заработал возмущенное фырканье домового, но даже не посмотрел на него, продолжая удерживать зрительный контакт с девочкой. – Но к чему такая спешка? К такому делу нужно подготовиться. Ты же не хочешь, чтобы о тебе узнали все ведьмы в стране?

– Но я только с Руткой... – Марина не особо смутилась, ей вообще это дело не свойственно, но немного растерялась.

– Марина, через несколько месяцев Рута вернется в свой ковен и расскажет о тебе всем и каждому. Алину мы ей показали вынужденно, а вот о вас с Пламенем ведьмам знать незачем.

– Тогда как?

– Осторожно и хорошо подготовившись.

Я осмотрелся и нашел взглядом остальных детей. Они стояли неподалеку и внимательно наблюдали за происходящим. С одной стороны, хорошо, что разбираться пришлось только с Мариной, но плохо, что они по-прежнему дистанцируются от хозяйки духов. И, как мне кажется, дело не только в непростом характере девочки. Ее дар не укладывался в их привычное, по большому счету киношное понимание нормальной магии. И эту проблему тоже нужно решать быстро, пока детская психика достаточно пластична. Вытравить подобную неприязнь, граничащую с фобией, из взрослого человека очень сложно.

– Алина, ты сможешь сделать так, чтобы Рута крепко уснула?

– А зачем? – тут же насторожилась девочка.

– Я не хочу, чтобы она опять брякнулась на колени, почувствовав рядом Марину, как это случилось с тобой.

И действительно не хотел, потому что, честно говоря, на меня дикое поведение травницы произвело тяжелое впечатление. Мысль о том, что дети могут являться эдакими аватарами языческих богов, пусть и не казалась разумной, но осадочек остался.

– Так сможешь или нет?

– Смогу, – уверенно кивнула целительница и тут же добавила: – Но когда она не колдует, те узоры не видны. А если уснет, мы точно ничего не увидим.

Мысль разумная, но отступить я не собирался:

– И все же давай сделаем так, как я прошу. Если ничего не получится, будем думать, что делать дальше. Мероприятие назначаем на вечер, когда наши постояльцы лягут спать.

Так и сделали. Когда солнце ушло за болота, мы с Алиной спустились в Нижний. Пока без остальной высокой комиссии, в которую вошли не только ученики, но и Филипп Филиппович. Причину он не объяснил, так что я счел его порыв простым любопытством.

По установленным Верой Ильиничной правилам после заката пациенты и сопровождавшие их взрослые не покидали большой барак без отдельного разрешения. Сейчас у нас там трое детей, так что свободная каталка имелаась. Ее я и забрал. Колесики были маленькими, так что пришлось помучиться, пока дотащил эту конструкцию по траве до вагончика. Алина помогала по мере сил.

Наше появление с необычным дополнением Рута встретила ожидаемо настороженно:

– Это что? Это зачем?

– Ложитесь сюда, – не грубо, но и без тени просьбы сказал я.

– Зачем? – снова спросила все еще полностью седая женщина, которая с виду уже казалась немногим старше меня.

Она испуганно сделала шаг назад, явно не собираясь выполнять мой, по сути, приказ. Спор с Мариной не то чтобы вызвал у меня раздражение, но немного раздраконил, так что с ведьмой я манерничать не стал:

– Вам напомнить о вашем статусе? Я ничего не обязан вам объяснять.

– Тетя Рута, – вмешалась юная целительница, явно оценив эмоциональное состояние обоих спорщиков. – С вами ничего плохого не будет. Я обещаю.

И ведь сработало! Женщина тут же успокоилась и, отвергнув мою помощь, улеглась на каталку. Алина тянуть не стала и положила ладошку на голову своей подневольной наставницы. Лицо Руты сразу расслабилось, и она задышала спокойно и ровно.

– Колыван, – сказал я, с помощью Добрыни найдя взглядом место, где находился пока невидимый домовый. – Позови остальных.

– Уже идут, – торопливо сказал Колыван и, быстро подбежав, запрыгнул, точнее взлетел на каталку в ногах спящей женщины. – А вы будете смотреть, что там у нее внутри? Интересно же. Пушай боярыня лекарка капель даст.

– Каких капель? – не сразу понял я.

– Ну, капель, – уточнил дух, – тот, которым людей потрошат. Я такое в твоей коробочке со сказками видел.

– Колыван. Во-первых, не капель, а скальпель. А во-вторых, еще раз такое услышу, отлучу от телевизора.

– А чего сразу отлучу?! – возмутился Колыван. – Я ж для дела спросил. Вдруг чего полезного найдем.

И вот пойми, шутит он или серьезно хочет вскрыть раздражавшую его ведьму.

– Изыди, демон доморощенный. Не мешай.

Пока мы пререкались под ошарашенным взглядом Алины, подошли остальные. Вера Ильинична тоже решила присоединиться к нам. Каталку мы опустили пониже, чтобы детям было удобнее.

– Ну и что? – посмотрев на спящую женщину, спросила Марина. – Алинк... Алина права, ничего не видно.

– Алина, – попросил я приунывшую целительницу, – ты можешь как-то подпитать своей силой Руту, чтобы при этом не разбудить ее? Вдруг что-то подсветится.

Идея тупо высосана из пальца, но девочке понравилась, и она снова подошла к травнице. В этот раз целительница положила руки сразу и на лоб, и на грудь Руты. На мгновение прикрытые глаза Живы широко распахнулись, сверкнув изумрудным светом.

– Вижу! Это те самые узоры. Марина, ты видишь?

– Нет, – недовольно буркнула хозяйка духов, а затем в ее глазах появился подозрительный блеск.

Мне бы напрячься, но я в последнее время что-то начал терять хватку в плане реакции на выходки учеников. Мара повернула голову в сторону лестницы. Почти все присутствующие сделали то же самое, а затем с недоумением уставились на странно ведущую себя девочку. И тут до меня дошло, что к чему, но легче от этого не стало. Тело Руты вдруг выгнулось дугой и забилося словно в припадке. Травница едва не свалилась с каталки.

– Марина! – хором выкрикнули мы с Алиной.

– Да все уже! Чего раскричались? – по-прежнему ворчливо, без малейшего раскаяния заявила хозяйка духов и махнула рукой, словно сгоняя какую-то мошку с тела Руты.

Очень надеюсь, что это был не Красный, ведь Марина уверяла, что он не способен выбраться из флакона, пока кто-то не нажмет на запирающий клапан. Неужели соврала?

Впрочем, об этом мы с ней поговорим позже и наедине. К тому же Добрыня уверил меня, что это не Злюка. Да и Рута перестала дергаться, а затем явно под воздействием всполошившейся Алины и вовсе расслабилась.

– Марина, это плохо.

– А что такого? – упрямо вскинула голову девочка. – Вы же сами говорили, что ведьму нам продали.

Ей я такого не говорил. Значит, опять как-то умудрилась подослать Шептуна. И об этом тоже нужно поговорить.

Тусклый, какой-то мышинный цвет волос девочки, серые невыразительные глаза и бледная кожа уже не делали ее невзрачной, как раньше, а пугающей. Но я-то знал, что за равнодушной маской прячется нормальный человек.

– Это плохо не для нее, а для тебя. – Видя непонимание в глазах ребенка, я успокаивающе улыбнулся и добавил: – Мы поговорим об этом позже. Ты что-то увидела?

– Да! – оживилась девочка. – Узоры. Черные.

– Они изумрудные, – возмутилась Алина.

– Опишите их, – спокойно, как на уроке, попросил я, а когда Марина начала рассказывать о том, что увидела, посмотрел на Веру Ильиничну.

Бледная женщина явно испугалась, но страх быстро прошел, и теперь она смотрела с удивлением и негодованием. Причем не на Марину, а на меня. Уверен, по ее мнению, я недостаточно отругал девочку за дикий поступок.

Поймав взгляд женщины, я легким покачиванием головы донес до нее мысль, что лезть не в свои дела ей не следует.

А в это время дети, которых обычными назвать не получится при всем желании, углубились в обсуждение особенностей странных узоров. Выяснилось, что они видели их по-разному, но основные контуры совпадали. Женька стоял, чуть нахохлившись, но, скорее всего потому, что не мог поучаствовать в обсуждении, хотя слушал с интересом.

В таком возрасте творческие порывы недолгосрочны, особенно если их не подпитывать, а тут я мало что мог добавить. Лишь Вера Ильинична внесла какие-то медицинские дополнения.

Да и вообще, беседовать ночью, почти в лесу, над спящей ведьмой – та еще дичь. Так что я решил свернуть диспут:

– Ладно, на сегодня все. К этой теме вернемся завтра. А пока нам нужно еще обсудить кое-что. Пламен, будь добр, разожги костер на полигоне. Марина, помоги ему, а мы с Алиной закончим здесь.

Дети ушли, а вот Вера Ильинична осталась, и на ее лицо снова вернулось недовольное выражение. Алина по моей просьбе быстро разбудила Руту, но та то ли не до конца проснулась, то ли травницу сильно вымотали эксперименты Мары. Так что она, пошатываясь, ушла к себе в вагончик. Мы же отправились обратно. Где-то на полдороге Вера Ильинична придержала меня за локоть, сказав при этом девочке:

– Алина, солнышко, иди вперед, мы с Алексеем Степановичем тебя догоним.

Юная целительница сокрушенно вздохнула, как ребенок во время ссоры родителей, и ушла к бараку лечебницы. Когда девочка отделилась на пару десятков метров, Вера Ильинична зашипела на меня рассерженной гусыней:

– Алексей Степанович, мы так не договаривались! Вы что тут устроили? Концлагерь? Пыточную? Собираетесь проводить эксперименты на людях? Какой пример вы подаете детям?! Хотите вырастить из них монстров?

Да уж, накопело у бедной женщины. Я ждал чего-то подобного. Вера Ильинична в последнее время сконцентрировалась на лечении больных детей, но не могла не думать о том, что происходит в Доброборе. Кроме Алины она ни с кем из юных магов не общалась, но слухов от рабочих наверняка нахваталась. А там ходили всякие байки, причем не только положительные. В общем, я ее понимал, поэтому ни злости, ни раздражения не испытывал.

– Это все вопросы? Можно начинать отвечать? – спокойно спросил я, когда она вроде иссякла. – Если есть еще, давайте разделим на несколько блоков. А то память у меня так себе.

Вера Ильинична явно усмотрела в моем спокойствии издевку и открыла рот для отповеди, но быстро пришла в себя и просто кивнула.

Сдержанность доктора меня порадовала. Да и вообще она вполне адекватная дама, поэтому к ней такое отношение.

– Хорошо, – сказал я. – Начнем по порядку. Устроил я просто осмотр ауры ведьмы в познавательных целях. Про концлагерь опустим, потому что вы понятия не имеете, кто такая Рута и на каких условиях она сюда попала. Поверьте, вам это не нужно. Теперь насчет пыточной. Никто не планировал и не ждал того, что устроит Марина. Думаю, она сама удивилась. Это был порыв импульсивного ребенка. Что же касается монстров... Вера Ильинична, я ничего не смыслю в медицине, и, если не заметили, помалкивал, когда вы принимали профессиональные решения. От вас жду такой же тактичности. Ну а если вы вдруг где-то найдете пособие по воспитанию детей с магическим даром, я буду крайне благодарен. У меня такого пособия нет. У меня вообще ничего нет, кроме интуиции, педагогического образования и опыта. Еще вопросы имеются?

Говорил я вежливо и дружелюбно. Вера Ильинична не Рута, и терять ее нам никак нельзя, да и вообще она хороший человек. К тому же искренний и совестливый – вон как покраснела.

– Нет, Алексей Степанович. Простите меня. Что-то нахлынуло. Вам действительно виднее. Только прошу, будьте осторожны. Это было страшно.

– Думаете, мне не страшно? Но так, чуточку, – показал я пальцами степень своего испуга. – Вот когда пришлось извлекать из темного подвала ребенка, вогнавшего целый детский дом в перманентную панику, было действительно страшно.

Моя шутка разбила образовавшуюся между нами неловкость, и женщина тихо рассмеялась.

– Вера Ильинична, вы заходите к нам почаще. Детям нужно общение с позитивными людьми. Роль бабушки заняла Зинаида Захаровна, а вы у нас будете доброй тетушкой.

Педиатр оттаяла окончательно, и мы, перешучиваясь по поводу семейных ролей, пошли следом за Алиной.

Вернув каталку на место, я в компании целительницы поднялся по лестнице и сразу направился к горящему маяком во тьме костру у озера. Только сейчас заметил, что нигде не видно Баюна, но решил не грузить себе этим голову. Если с ним что-то случится, Добрыня предупредит, а мне сейчас предстоял очень важный разговор.

Марина снова замкнулась в ожидании выволочки, да и Женька выглядел хмуро, но не похоже, чтобы они поссорились в наше отсутствие. У парня явно какие-то свои причины для печали.

– Ну что же, – усевшись на бревно, сказал я. – Давайте поговорим об охоте на ведьм.

Улыбку удалось сдержать с трудом, глядя на удивленно вытянувшиеся лица детей. Их мысли, как говорится, были написаны на лбах.

– Нет, мы не будем ни на кого охотиться. Просто маленький урок истории. Об охоте на ведьм в Средневековье вы наверняка слышали. Началась она в первой половине пятнадцатого века в западно-альпийских областях. Сначала власть – как светская, так и церковная – боролась с суевериями населения, но затем заметили, что они хорошо канализируют народную ярость, к тому же повышают набожность. В итоге спустили эту ересь с поводка. И началась настоящая жуть. Но мы поговорим не об этом. Как думаете, почему люди так ненавидели ведьм?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.